

АЛЕКСЕЙ
МАКЕЕВ
ОТЛОЖЕННОЕ
САМОУБИЙСТВО

Алексей Макеев

Отложенное самоубийство

«ЭКСМО»

2013

Макеев А. В.

Отложенное самоубийство / А. В. Макеев — «Эксмо», 2013

Небольшой городок Байрон в Баварии. Здесь нашли пристанище русские немцы, эмигрировавшие из Казахстана. Здесь же доживает свой век смертельно больной писатель герр Росс. Он подавлен, измучен и жалок. Мысли о смерти завладели его разумом, и сопротивляться им становится труднее день ото дня. Очередным тоскливым пасмурным утром Росс решает покончить с собой. И вот совпадение, этим же утром он получает письмо от Алоиса Кальта – кровожадного маньяка по прозвищу Баварский монстр. Кальт пишет, что он никого не убивал, что его подставили, и просит Росса о встрече. В писателе вдруг оживает любопытство. Он решает отложить самоубийство и встретиться с маньяком...

© Макеев А. В., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Алексей Макеев

Отложенное самоубийство

Воображение – это то, что стремится стать реальностью.
Андре Бретон

Глава 1

Первое октября. Понедельник. Сон

Тихо. И очень холодно. Тяжелая непрозрачная темнота заполняет всю мою реальность без остатка. Какая-то ненормальная, преувеличенная темнота. Воздуха в ней совсем нет. Вместо воздуха бесстрастный и бесконечный мрак. Я хрипло дышу этим мраком. С натугой вдыхаю его и с трудом выдыхаю. Холодно.

Постепенно темнота чуть редет, в углу спальни сгущается большое бесформенное пятно – черное и блестящее, как строительная смола, которую мы жевали в советском детстве вместо жвачки. Это пугающее меня пятно медленно трансформируется в более осмысленные очертания.

Ни черта не видя, я тем не менее каким-то шестым чувством понимаю, что в углу стоят дети. Трое. Они неподвижно стоят и смотрят на меня из темноты. Холодно. И тихо.

Один из детей – наш Лукас. Я почему-то это точно знаю. Лукас держит за руки мальчика и девочку одного с ним возраста. Почему они здесь, в этом мраке? Странная мысль появляется у меня в голове: «Может быть, они все уже умерли?» Не может быть! Мальчик и девочка – не знаю, а Лукас спит в соседней комнате. И вдруг могильная тишина умирает. Детский смех серебряным колокольчиком трепыхается во тьме. Все громче и громче. Растет – от тихого, нежного пиано до резкого, пронизывающего форте. Мне становится страшно. Смех безжалостными саморезами ввинчивается в уши. Сердце сжимается в крошечный комочек материи. В тот момент, когда моя голова уже больше не может вместить ужасный смех и готова взорваться, как газовый баллон, я наконец понимаю, что вся эта жуть происходит во сне. Ну, все, хватит с меня этих кошмаров!

Я решительно просыпаюсь и тут же вздрагиваю. На тумбочке, в изголовье постели, пронзительно трезвонит толстый круглый будильник. Истеричка! В спальне – собачий холод. Марина вчера вечером, перед сном, выключила батарею. Немецкая экономия на отоплении. Не зима же! Октябрь. Резкий, порывистый, мокрый.

Я обитаю в маленьком баварском городке. Мы его называем Наш Городок. Городок как городок. На высоком берегу Майна гордо торчит квадратный старинный замок, обвитый с трех сторон виноградниками. С четвертой стороны – каменный лабиринт узких улочек. Когда-то в замке собирались уверенные в себе феодалы и разные прочие средневековые рыцари. Рекой лилось вино, жарились целиком быки, плелись коварные заговоры. В глубоком подвале томились несчастные пленники в ожидании выкупа. На головы пленников с потолка капала ледяная влага. По грубым камням стен прыгали багровые отсветы горящих факелов. Романтика! Хотя семьи кормить тоже надо было. Но все это дела давно минувших дней. История. Сейчас в замке библиотека и картинная галерея. В подвале – гараж. Потомки кровожадных рыцарей теперь сидят в конторах, бюро, офисах туристических компаний, водят автобусы. Широко улыбаются и в дверях пропускают тебя вперед. Итог социального прогресса.

Возле замка выросли, как грибы вокруг пня, домики. В основном двух- и трехэтажные. В одном таком домике на втором этаже живу я. Мой адрес, если кому интересно: Песталоцциштрассе, один. Живу с женой Мариной, казахстанской немкой, и двумя ее сыновьями от

предыдущих браков: Сашей, двадцати четырех лет, и десятилетним Лукасом. Благодаря браку с Мариной я и оказался в Нашем Городке. Взял и утонул в голубых объятиях ее глаз. Ну, и заодно переместился с Урала в Баварию. В Байрон, на местном диалекте. Оказался в другом пространстве и времени. В иной событийности. Теперь уже два года в Германии. Срок достаточный, чтобы начать понимать, что о тебе говорят соседи. И – чтобы заработать инсульт, умереть, воскреснуть и быть выписанным из клиники лишь для того, чтобы нырнуть в бездонную мучительную депрессию.

Между прочим, я – писатель. Не между прочим, конечно, а в основном. К сожалению, писатель, находящийся в перманентном творческом застое. «Писарь лысый», – говаривала про таких писателей моя бабушка. Веду выцветшую жизнь. Серые будни, и я в них. Конечно, хотелось бы разразиться книгой, каким-нибудь захватывающим триллером про семью с семейными тайнами, про династию банкиров и политиков, но... Вместо рывка к славе и деньгам я решил рвануть в противоположную сторону. За грань, отделяющую живое от неживого. Туда, где всегда темно и тихо. Говоря грамотно и понятно: «Свести счеты с жизнью». Депрессия же. Сроку я себе отмерил всего ничего: месяц. Начиная с этой минуты. И вот воображаемые песочные часы перевернуты. Время потекло тонкой безостановочной струйкой. Последний месяц моего непосредственного существования на этой посредственной планете. И возраст, подходящий для внезапного красивого ухода: пятьдесят три года. Наверное, до этого было еще рано умирать, но сейчас, мне кажется, в самый раз. А зачем жить? Все равно никак не могу поймать смысл своей реальности. Дожил до пятидесяти трех, и хватит. Умру.

Жена, конечно, не знает о моем решении. У нее своих проблем выше крыши. Подозрение на образование раковых клеток в организме. Тоже – не «айс». Марино постоянно откашливание и оглушительное чихание меня гнетет, есть в этом что-то тревожное. Марина ездит по врачам, сдает анализы, проходит процедуры. В ограниченных масштабах Нашего Городка, оказывается, функционирует множество врачей. Пока всех местных айболитов и айболиток объедешь... В общем, ей скучать некогда.

Я смотрю на будильник. Будильник смотрит на меня. Девять часов утра. Марины рядом уже нет. Куда-то унеслась. Деловарка. Лукас должен быть в школе, Саша на работе. Запах грибов с кухни и влажной зелени с улицы. Ночью был дождь. Балконная дверь распахнута настежь. Птицы нежно высвистывают свои мелодии, будто рассказывают, как они провели ночь. Из церкви за окном волнами доносятся песнопения, стройные, возвышенно-печальные. Хотя церковь громоздится рядом с нашим домом, я в ней ни разу не был. Как говорится: «Это синагога, в которую я не хожу. У каждого еврея есть синагога, в которую он не ходит». Я, помимо воли, прислушиваюсь к хору. Духовно-предуховно. Вон, даже птицы почтительно притихли.

Встаю, лениво одеваюсь. Носки, спортивные штаны, футболка. Футболка валяется под кроватью, как сдохшая собака. Поднимаю в спальне рольставни. Это обязательная процедура, неотъемлемый аксессуар немецкого бытия. Практически каждое окошко Германии оборудовано этой штукой. Вечер заканчивается опусканием рольставен, а утро начинается с их подъема. Как ритуал с флагом на военном корабле. Вниз-вверх. Потом салют свинцовому небу, и в сортир.

Кухня встречает завтраком. В тефлоновой сковородке под крышкой прячется яичница с помидорами. На тарелке высится горка поджаристых хлебцев. Масленка, сахарница и пачка молока на столе придают натюрморту законченность. Кофе я завариваю сам. Спешить мне некуда. Таким образом мое время растягивается как тугой резиновый эспандер. В июне случился инсульт: «Скорая помощь», срочная операция, просверленная в двух местах голова, почти месяц в клинике. И вот уже три месяца дома. Самостоятельно еле хожу, с трудом сохраняя равновесие. С усилием концентрирую внимание на предмете. Говорю на трех разных языках с одинаковыми запинками и заиканием. Но считается, что я жив.

Не спеша пережевываю яичницу. Слабенький солнечный свет, как через плотный абажур, тускло освещает кухню. Осеннее солнце скупится на протуберанцы. После еды – таблетки. Врач в клинике пообещал, что эти таблетки я буду вынужден принимать до конца жизни. Ага. Так вот оно какое – счастье!

Я включаю радиоприемник, висящий над столом. «Антенне Байерн». Слоган: «Мы любим Баварию, мы любим музыку!» Веселенький «быдлопоп» вперемежку с информацией о дорожных пробках. Краткий курс деградации. Откройте как можно больше ваши рты и улыбнитесь!

Скоро придет из школы Лукас. Мальчик-с-пальчиком. Умен не по годам. Лукасу уже десять лет, а ума, как у пятилетнего. Может, я несправедлив? Ведь сам Лукас выглядит вполне счастливым. Пока для счастья ему хватает мамы, конструктора «ЛЕГО» и двух еженедельных евро по пятницам. Карманные деньги. Лукас плохо говорит по-русски, зато отлично болтает на диалекте. У него есть друг Джейсон – мелкий писклявый жихарка в очках. С Джейсоном Лукас и проводит большую часть времени – когда не с мамой и не в школе. Носятся вдвоем по улице или ползают среди игрушек по ковру у нас в зале.

Саша возвращается с работы после пяти. Он – полная противоположность младшему брату, серьезный, основательный, неторопливый. Высокий, изможденный, как узник концлагеря. Много курит, мало пьет, еще меньше ест. Саша работает механиком, неплохо зарабатывает и своей жизнью тоже в целом доволен.

В общем, я окружен удовлетворенными, светлыми людьми. Один я на этом празднике жизни недоволю морщусь нос. Депрессия? Инсульт превратил мою жизнь в бесформенный ком. Еще полгода назад я был полон оптимизма и планов на будущее, а сейчас от всего этого осталась только кучка серого пепла. Легонько дунь, и разлетится по углам. Не соберешь.

Скорее по привычке, чем по потребности, я усаживаюсь перед монитором компьютера и включаю его. Открываю давно задуманную книгу, начатую еще до инсульта. С тех пор не прибавилось ни строчки. Даже названия еще не придумал. Ну, здравствуй, борозда! Я – старый конь! Тупо смотрю в экран. В голове не мозг, а твердый вакуум. Оказывается, мне нечего сказать читателям. Или просто не хочется? Так и проходит день за днем. В бесполезном сидении перед монитором. Вместо чернозема идей, сюжетов, образов поливаю бесплодный песок пустыни, не способный ничего родить. Литературное бессилие. Хотя, возможно, оно лучше литературного кретинизма. Чем выдавать на-гора сотни тысяч шлака, может быть, честнее затихнуть? Лежать и не жужжать? Да, тут поневоле станешь угрюмым.

Вспоминается давешний сон. Странная темнота, странные дети, странный смех. Станный сон. К чему бы это? Да ни к чему! Не хочу про это думать. Человеку с дважды просверленной головой все по барабану! Уйду весь в себя и просижу целый месяц, разглядывая в окно смурной октябрь. А потом – по-английски... Не прощаясь...

В прихожей шандарахнула дверь. Это Лукас явился из школы. Пацан вихрем проносится мимо меня в детскую. По дороге успевает кинуть мне традиционное: «Халло, Вадим!» – и скрывается за углом. Я открываю рот, но напрасно. Не успел. Мальчишки уже нет. Быстрый, как заводной заяц. Из-за скорости Лукас, наверное, увидел только мои размытые очертания. Вторая космическая. Двадцать первый век. Времени посидеть и поглазеть на экран монитора нет ни у кого. Кроме меня. Поплотнее стискиваю губы и сосредоточиваюсь на тексте. Но разве дадут! Звонит телефон.

Это Катя – сестра жены. Женщина, поработанная своим котом. У этого кота даже нет нормального кошачьего имени. Он откликается только на «Иди, жри!». Маленький, серенький «Иди, жри!» заменяет Кате семью. По человеческому счету «Иди, жри!» уже перевалило за седьмой десяток. Кот, окаменевший от старости. Оказывается, коты тоже страдают артрозами и артритами. Кто бы мог подумать! «Иди, жри!» постоянно болеет. То хвост отваливается, то шерсть клочками.

– Что делаешь? – символически интересуется Катя.

Я что-то мямлю в ответ.

– Я тоже, – загадочно произносит Катя. – А где Марина?

– Марина уехала по делам, – туманно отвечаю я. На самом деле я понятия не имею, где моя жена и когда она вернется. Марина уходит и приходит когда ей вздумается, не ставя меня в известность. Так она привыкла за годы одиночества. Я с этим не борюсь. А смысл? Через месяц полоса ее одиночества продлится и упрется в бесконечность. Вот и не нужно на этом заострять внимание.

Катя молчит. Видимо, ждет от меня инициативы в разговоре. Я ее и проявляю:

– Как ты, как кот?

– Я-то в порядке, а вот мой «сынок» что-то болеет, чихает. Даже не знаю, что с ним делать, – жалуется Катя.

Знакомая песня.

– Может, у него аллергия? Бывает у кошек аллергия на людей?

Катя смеется.

Наш разговор разрушают колокола соседской церкви. Они добросовестно барабанят подряд раз сто. Из-за них мне ничего не слышно в телефонной трубке. Когда набат наконец-то утихает, вместо Кати в телефоне уже тянется бесконечный гудок. Я коротко стучу пальцами по столу. На моем тайном языке это означает: «Ну, и ладно!»

– Я на улице! – кидает Лукас, пробегая мимо меня к выходу. Он переоделся и жует «гуммибэрхен». Маленькие такие конфетки в форме медвежат, по вкусу напоминающие сладкую автопокрышку. «Гуммибэрхен» заменяют Лукасу завтрак, обед и ужин. Если, конечно, мама не заставит поесть супа, картошки, колбасы, сыра, масла, хлеба и тому подобной несъедобной дребедени. Ну, есть же конфеты?! Зачем портить себе желудок? С точки зрения Лукаса – взрослые очень странные существа.

– А уроки? – успеваю я спросить мальчишку. Марина попросила меня проверять уроки сына.

– Сегодня не задали!

Стандартный ответ. Лукасу никогда не задают домашних заданий. По крайней мере, он в этом твердо уверен. Хотя классный руководитель опровергает. Кто-то из них двоих ошибается. Но кто?

А вот и жена. Марина втискивается в дверь, нагруженная распухшими пакетами.

– Привет! – бросает она мне, отдуваясь.

Я «срываюсь» с места и со скоростью окоченевшего трупа ползу жене навстречу. Идти так же трудно, как плыть через застывший жир. На пороге кухни я все-таки перехватываю Марину. Со вздохом облегчения она отдает мне пакеты. Теперь можно переодеться, упасть на диван и вытянуть ноги. Муж, то есть я, позаботится обо всем дальнейшем.

Я разгружаю пакеты. Мясо в пластиковых контейнерах, филе красной рыбы на подложках, хлеб, колбасы, сырные наборы, молотый кофе, коробочки конфет (Эх, Лукас-то проворонил!), печенье, два десятка яиц, консервированные бобы, сетки с картофелем, луком... Обычной российской семье хватит на неделю, но здесь живут по-другому. Что не съестся за день-два, будет выброшено в помойный бак. Еда дешевая, даже бесплатная для многих (о халавном «хавчике» позже), поэтому никто крошки со стола в рот не отправляет.

– А где Лукас? – кричит из спальни Марина, переодеваясь. Женщина-мать! Первым делом беспокоится о ребенке.

– Наверное, с Джейсоном гуляет, – успокаиваю я женщину-мать, раскладывая продукты по местам. «Два таракана».

– Да, чуть не забыл. Катя тебя спрашивала, – информирую я жену о звонке из владений императора «Иди, жри!».

Марина, одетая в застиранную домашнюю кацавейку, выходит из спальни и берет телефон.

– Катя? Привет, это Марина. Звонила?..

Я не прислушиваюсь к разговору сестер. После оптимизации продуктов в кухне опять сижу за компьютером. Смотрю на свое отражение в мониторе, как в зеркало. Короткая стрижка. Шрамов почти не видно. Особенно мне – шрамы ведь сверху и на затылке. Седые волосы, мешки под глазами, помятая кожа. В общем, ничего достойного внимания. Постарел, и уже не тот. Вполне октябрьское лицо. За плечами моего двойника в мониторе ничего не видно. Там уже начинается Ничто. Мое лицо смотрит на меня моими глазами из Ничего. Смотрит внимательно, с вопросом: «Ну, как ты там, брат? Зачем ты там?»

Зачем? Сам не знаю. Мои попытки привести свой внутренний личный хаос в соответствие с общемировым ни к чему не приводят. Будущее вообще превратилось в прозрачную паутину. Три месяца назад дунуло посильнее, и только обрывки остались болтаться. Досадно. Хорошо хоть, недолго существовать. Один месяц. И он уже идет. Завтра вечером будет два дня.

Звонят колокола.

За два года жизни на Песталоцциштрассе я привык к их постоянному присутствию. Часто вообще не замечаю. А часто именно колокола возвращают меня в эту реальность. Звук поющей бронзы. Долгий, звонкий, иногда надоедливый. Каждые пятнадцать минут. Только ночью колокола умолкают. Наверное, тоже спят.

– Катя просит нас завтра отвезти кота к ветеринару. На укол, – сообщает мне Марина, кладя трубку телефона на место.

– Она наконец решила его усыпить? – неосторожно спрашиваю я, думая о своем.

– Ты что! – сердится Марина. – Не говори глупостей! Для Кати кот – самое близкое существо на свете. Она на его лечение денег больше истратила, чем я на тебя!

– Даже не сомневаюсь, – горько соглашаюсь я.

– Так ты поедешь со мной? – обрывает мои страдания Марина. Она вообще такая – решительная и грубоватая. Любит покомандовать. Колкая, как моток колючей проволоки.

– Поеду, – киваю я. Лучше плохо ехать, чем хорошо сидеть.

– Значит, договорились, – завершает разговор Марина. – Завтра утром заберем кота, потом съездим к ветеринару, потом привезем кота обратно. Самой Кати не будет. У нее термин к зубному.

Термин! Магическое слово, открывающее в Германии все двери. Если у тебя есть термин, то ты вхож повсюду. Как Терминатор.

Марина принимается греметь посудой на кухне, а я тем временем включаю телевизор. Хватит бесцельно убивать время у «компа»! Буду убивать его другим способом. Переключаю каналы. Немецкие, русские...

Клик! Новости. Мир бурлит, клокочет и булькает, словно обезумевшая от жары смола в котлах Преисподней. Поток событий не замирает ни на секунду. Крайне жестокий, смертельный поток. В мире, состоящем из экстремистов и их жертв. Взрыв на марафоне в Бостоне, взрыв на заводе минеральных удобрений в Техасе, угроза ядерной войны с Северной Кореей и Ираном, бои против исламских фундаменталистов в Африке и на Ближнем Востоке. День саке в Японии. Жертв еще больше, чем в Бостоне. Горячо?

Клик! Немного остынем на экономике. Сгорбленные спины крестьян на рисовых полях. За сутулыми крестьянами из густых зарослей презрительно наблюдают обезьяны. Еще бы! Эти игры не для них. В зарослях полно бананов, но дурных не имеется. Труд сделал из обезьяны усталую обезьяну.

Клик! За экономикой следует шоу-бизнес – сексуальный эквивалент насилия. С экрана меня растлевают полуголые певицы. Интеллект, как у пивных пробок. Отстой.

Клик! Штатовский киновысер про Древнюю Грецию. Боги, богини и прочие герои в белых простынях. Лавровый лист, оливки, козий сыр. Но начинают напрягать древние греки-негры. Геракл с улыбкой дяди Тома. Гомер со сказками дядюшки Римуса. «Да, Бвана Зевс. Хорошо, Бвана Зевс. Слушаюсь, Бвана Зевс. Вау!» Черный юмор. Кажется, что уже сошел с ума.

Клик! Темный экран. Все, что можно сделать, чтобы сохранить психику, – выключить. Иначе эта «пурга» будет идти круглосуточно. Времена, когда телепередачи заканчивались белым шумом, давно миновали. Жесть.

– Дорогой, ты не забыл, что у тебя завтра термин у фрау Половинкин? – неожиданно спрашивает меня из кухни Марина.

Я вздрагиваю. Точно. Завтра с восьми до девяти мой домашний врач фрау Половинкин возьмет у меня кровь на анализ. После клиники я нахожусь под ее контролем. Регулярно сдаю кровь. Сначала каждую неделю, теперь каждый месяц. Как раз завтра срок. Термин!

– Конечно, не забыл, дорогая, – вру я. – Ты меня отвезешь?

– А куда я денусь? – вздыхает Марина, выглядывая из кухни. – Кушать будешь?

Марина теперь мой личный шофер. Срок моего российского водительского удостоверения недавно истек, а немецкие права я получить не успел – инсульт. Поэтому Марина возит меня к врачу и всюду, куда необходимо. Машина у нас на семью одна – старенький синий «Форд». Саша на нем ездит на работу, а когда «Форд» нужен нам, жена утром сама отвозит сына и забирает после работы. Завтра так и придется сделать.

Саши еще нет, Лукас дышит свежим воздухом на улице, поэтому обедаем мы с женой вдвоем. Я ем шпецли с мясной подливкой. Наполняю живот жирами, белками и углеводами. Шпецли, кто не знает, – это такие макаронные изделия, типа толстой, круглой, короткой лапши. Широко распространенные в Баварии. Ничего, есть можно, особенно с мясной подливкой. «Антенне Байерн» над головой берет на себя культурный досуг обедающих. Кэти Перри, Шакира, Пинк, пробки на автобанах, Авриль Лавинь, Мэрайя Кэри, Анастейша, пробки на автобанах.

– Тебе кофе или чай? – спрашивает Марина, протягивая руку к электрическому чайнику. – Кофе.

После инсульта вкус у меня кардинально изменился. Вообще многое изменилось, в том числе и вкус. Например, больше не могу пить чай, который пил всю жизнь. Чай превратился в какую-то маслянистую жидкость с отвратительным привкусом. Теперь – только кофе.

Марина заваривает себе пакетик черного чая, а мне насыпает в кружку ложку растворимого «Нескафе» и заливает ее кипятком. Я бросаю в кофе две таблетки заменителя сахара. Тоже вынужденно. Если употреблять сахар, начинается раздражение на коже. Избыток углеводов в организме. Тут избыток, там недостаток. А в среднем – сгодится. Главное – сохраняется баланс. Баланс – это жизнь. Если баланс нарушится и гирька весов резко сместится в сторону – смерть организма. Отправишься из Яви в Навь. А там ничего интересного. Тамошний мир состоит из серой пелены. Я видел.

После обеда я снова усаживаюсь за стол к компьютеру. Похоже, шпецли что-то инициируют. Опять открываю начатую бесконечно давно книгу без названия. Рассеянно смотрю в сторону окна. Марина на кухне звенит посудой. Убирает ее в моечную машину, в шпюльку. Вдруг меня обдает ледяной волной. Возле окна стоят две маленькие фигурки в белых саванах. Мальчик и девочка. Дети держатся за руки. Лиц не разглядеть, потому что мешают складки материи, падающие на них. Дети стоят молча. Только саваны легко колышутся на холодном сквозняке.

Этот ужас длится какое-то безумное мгновение, потом кошмарное видение исчезает. Бодрый звон колоколов за окном стирает его из моей реальности. С бешено бьющимся сердцем я смотрю, вытаращив глаза, на молочно-белую штору. Это ее изгибы и шевеление запутали мое

воображение. Явь и Навь. Отсюда туда и обратно. Я усмехаюсь непослушными губами. Смех смехом, а спина-то мокрая! Привидится же такое!

Частые удары колоколов уступили крикам горластых турок. Я отправляюсь в спальню, чтобы посмотреть на улицу. Четверо крепких небритых мужиков грузят чей-то нехитрый скарб в грузовичок. Кто-то из соседнего дома надумал переезжать. Я не смог заставить себя подойти к окну в зале. А вдруг из-за шторы высунется маленькая ручка, и ледяная ладошка требовательно сожмет мою руку? Дурь, конечно, мистика, но страх-то совершенно реальный. Никому не пожелаю таких видений. И снов. Только сейчас сообразил, что утренний сон был на ту же тему.

Пока смотрел в окно, снаружи заморосило. Унылый осенний дождик. Солнце трусливо прячется за мутной тучей. Октябрь в Баварии.

Меняю вонючую от пота футболку на свежую. В кухне трудолюбиво гудит шпюлька-посудомойка. А где Марина? Где моя колючая девочка? Оказывается, жена ушла на улицу. Понесла хоронить в контейнере пластиковый пакет с биоотходами. Теперь короткий панегирик: «Разделение мусора делается в целях избежания смешения разных типов мусора и загрязнения окружающей среды. Данный процесс позволяет подарить отходам «вторую жизнь», в большинстве случаев благодаря вторичному его использованию и переработке. Разделение мусора помогает предотвратить разложение мусора, его гниение и горение на свалках. Следовательно, уменьшается вредное влияние на окружающую среду». Такая вот здесь экоконцепция. Поэтому в кухне всегда наготове одно ведро для био, другое для пластика, третье для бумаги. Да еще на балконе скучает мешок для остального мусора. Подход, наверное, верный, хотя и хлопотный.

Когда поток времени сливается с вечерними сумерками, я все еще сижу перед компьютером. Красный квадратик со словом «почта» информирует, что для меня есть сообщение. Кто бы это мог быть? Опять реклама? Или кто-то из родни вспомнил? Захожу в почту. Действительно, сообщение. От aloiskalt@live.de. Алоис Кальт? Не знаю такого адреса. Уже интересно. Открываю письмо. Ожидаемо написано по-немецки.

«Уважаемый герр Росс, прошу Вас оказать мне честь и встретиться со мной в ближайшее воскресенье, седьмого октября, в четыре часа пополудни по вопросу, представляющему взаимный интерес».

Далее следует адрес: небольшая деревушка у черта на куличках. Километров за сто. Бывшая Великая Германская империя – страна небольшая, поэтому «чертовы кулички» начинаются сразу за порогом. В общем, далеко, но не Сибирь, конечно. Сообщение заканчивается неизменной немецкой вежливостью: «С уважением» и подписью: «Алоис Кальт».

Бумм-бумм-бумм! За окном опять звонят колокола.

Глава 2

Это еще что за чудо-юдо – Алоис Кальт? Совершенно незнакомое, ничего мне не говорящее имя. Звоночек не звонит. Я выстукиваю имя на клавиатуре. Посмотрим, что знает Интернет. Оказывается, он кое-что знает. Вот, например, Алоис Кальт – австрийский народный поэт. Уже давно умер. И писем никому не пишет. Гораздо интереснее другой Алоис Кальт. Читаю прошлогоднюю статью из газеты «Майн Куир»:

«Последний месяц в Германии не утихают страсти вокруг суда, который рассматривает возможность перевода под домашний арест «Баварского монстра» – самого страшного преступника в истории страны. Педофил и серийный убийца Алоис Кальт, отсидев в тюрьме двадцать лет, попросил заменить пожизненное заключение домашним арестом. По законам нашей страны такое возможно, ведь за все время пребывания в тюрьме Кальт ни разу не получал замечания. Однако немецкое общество категорически против снисхождения к монстру. Более того, в прессе в очередной раз завязалась дискуссия относительно возвращения смертной казни в исключительных случаях.

Четвертого февраля, когда состоялось первое слушание по делу Кальта, полиции пришлось предпринять беспрецедентные меры безопасности. Мало того что самого маньяка по дороге из тюрьмы в суд охраняли сто шестьдесят полицейских, а на голове у него была каска, так еще и маршрут держался в строжайшем секрете. И не зря: у здания суда прошла демонстрация противников перевода Кальта под домашний арест. И кто знает, на что могла решиться разъяренная толпа.

В Германии прекрасно помнят, с какими осложнениями много лет назад проходил переезд из тюрьмы в монастырь сообщницы Кальта, его супруги Беа Кальт. Пресса бушевала несколько дней. А стены монастыря, согласившегося принять убийцу маленьких детей, еще долго осаждали возмущенные обыватели. Впрочем, Беа Кальт прожила в монастыре менее года и скончалась от рака. Это произошло в тысяча девятьсот девяносто втором году.

Эксперты считают, что освобождение не состоится. Но на всякий случай родственники жертв маньяка подали жалобу в Европейский суд по правам человека. Адвокаты семей погибших даже считают, что немецкий закон должен быть пересмотрен в сторону лишения особо опасных преступников возможности даже просить о досрочном освобождении или снисхождении.

Беа Кальт и ее супруг Алоис Кальт были арестованы в тысяча девятьсот девяносто первом году. Суд признал «Баварского монстра» виновным в похищении, изнасиловании и убийстве в общей сложности тридцати детей, младшему из которых было пять лет. Тела двоих из них, близнецов Ханса и Гретель Райнер, не найдены до сих пор. Маньяк отказался показать место их захоронения. Кальт был приговорен к пожизненному заключению. Сейчас ему шестьдесят четыре года. Бывшая школьная учительница Беа Кальт была приговорена к тридцати годам лишения свободы как сообщница. Она помогала мужу охотиться на детей и скрывала его от полиции. Так как Алоис Кальт взял всю вину на себя, суд счел возможным приговорить Беа Кальт к заключению не в тюрьме, а в монастыре. Кальты поженились в семьдесят первом году, а развелись в девяносто втором, уже находясь в заключении. У них, кстати, был собственный ребенок.

Свое решение касательно просьбы Алоиса Кальта о переводе под домашний арест суд должен огласить сегодня, в понедельник».

Короче, этот Алоис Кальт – ушлепок и негодяй. И что ему от меня надо? Тоже мне – интрига дня!

В этой душной компании он свой: американец Джеффри Дамер (убил, расчленил, частично съел семнадцать юношей и мужчин), немцы: Карл-Хайнц Задроцински, он же Юрген

Барч («всего-навсего» четыре жертвы, пятая спаслась), Петер Кюртен – «Дюссельдорфский душитель» (шестьдесят девять убийств), Бруно Людке – правда, после войны появились сомнения в его виновности (от пятидесяти одной до восьмидесяти пяти женщин!), Фриц Хаарман – «Ганноверский вампир» (от двадцати четырех до двадцати семи мальчиков). Россияне и украинцы: Андрей Чикатило (пятьдесят два убийства), битцевский маньяк Александр Пичушкин (сорок восемь убийств), Сергей Головкин – маньяк по прозвищу «Фишер» (одиннадцать убитых, расчлененных и частично съеденных мальчиков), Анатолий Оноприенко – «Украинский зверь» (пятьдесят две жертвы). Неустановленные серийные убийцы: начиная еще с Джека Потрошителя и заканчивая сегодняшними «Зодиаком», «Гонолульским душителем», «Дровосеком» из Нового Орлеана, «Кливлендским мясником», «Магистральным фантомом» и «Чикагским отравителем». Да-а... Что-то эти уроды сейчас подделывают? Все еще идут к успеху?

Куда уж тут тягаться с этими порождениями Преисподней выдуманным голливудским персонажам: Синей Бороде, Фредди Крюгеру, Ганнибалу Лектеру, Норману Бейтсу, Майклу Майерсу, Декстеру Моргану, кукольному Чаки, сказочному Джокеру, «Кожаному лицу», «Призрачному лицу», «Календарному человеку», «Высокому человеку»... Рядом с реальными чудовищами самые амбициозные киношные злодеи меркнут, как свечные огарки в глубокой пещере.

Я ишу в Интернете дополнительные сведения о Кальте и нахожу. «Баварского монстра» упоминают на многих сайтах. Среди маньяков, серийных убийц и тому подобных омерзительных персонажей он застолбил себе достойное место. Набираю в браузере «Баварский монстр» и узнаю еще несколько подробностей его гнусной биографии. Кальт родился в тысяча девятьсот сорок седьмом. Получил медицинское образование. Женился в тысяча девятьсот семьдесят первом на Беа, в девичестве Дево, в следующем году у них родился сын, и так далее, и тому подобное.

Есть и список его жертв. Читаю:

...Неизвестная, около пятнадцати лет. Была убита молотком, изнасилована и ограблена.

Инга М., двенадцать лет. Была изнасилована, ограблена и убита ударами по голове. Обнаружена недалеко от лесной дороги семнадцатого июня тысяча девятьсот семьдесят седьмого года.

Эрика Х., шесть лет. Была изнасилована и убита булыжником. Обнаружена в подлеске у проселочной дороги третьего сентября тысяча девятьсот семьдесят седьмого года.

Неизвестный, десять-двенадцать лет. Тяжелое повреждение черепа и глубокая резаная рана горла. Был сброшен на дно девятиметрового колодца возле железнодорожной станции. Обнаружен двадцать второго августа тысяча девятьсот семьдесят восьмого года.

Стина Х., восемь лет. Была обнаружена в лесу десятого ноября тысяча девятьсот семьдесят восьмого года.

Криста Ш., девять лет. Была убита ударами по голове подковой. Обнаружена в ноябре тысяча девятьсот семьдесят восьмого года, спустя месяц после исчезновения.

Мартин И., двенадцать лет. Был убит ударами тупым предметом по голове. Обнаружен первого января тысяча девятьсот семьдесят девятого года.

Фридель Ш., шестнадцать лет. Смерть от тяжелого повреждения черепа, сделанного железным прутом, и изнасилование. Была найдена в лесу под штабелем дров в феврале тысяча девятьсот семьдесят девятого года.

Неизвестная девочка. В начале марта тысяча девятьсот семьдесят девятого года был найден ее череп...

Кровавый список кажется бесконечным. И все эти мерзости Кальт совершил один. Следствие посчитало, что жена маньяка непосредственно в убийствах не участвовала.

До суда Алоиса Кальта содержали в железной клетке, его руки и ноги были скованы цепями, не позволявшими ему двигаться более чем на два метра. Меня это не удивляет. Пока шло следствие, Кальта изучали известные немецкие врачи. Адвокаты «Баварского монстра» утверждали, что Кальт невменяем, но врачи доказали обратное. «Отличная работа!» – сказал бы я этим врачам. Судя по описанию содеянного Кальтом, доказать, что автор этого ужаса вменяем, было, наверное, нелегко.

Я бреду на кухню, чтобы налить себе кофе. Без кофе жизнь «Баварского монстра» впитывается плохо. Марина ушла в подвал, развешивать выстиранное. Ну, и ладно. Сам справлюсь. С чашкой возвращаюсь в зал. Опять занимаю свою частицу суровой реальности.

Сажусь в кресло, пью ароматный горячий кофе. Вот это жизнь! Никогда не понимал маньяков. Бегать по промозглому лесу, жуя чужую письку, и вопить от радости, как это делал Чикатило? Сомнительное удовольствие. И как-то не эстетично.

Отрываюсь на время от тошнотворных подробностей маньячных будней ради смежной темы. Смертная казнь как таковая. Как же так случилось, что убийца тридцати детей давным-давно не ныряет в адской кипящей сере, а дожил до шестидесяти пяти лет и пишет мне письма?

Хорошо, что умные люди придумали Интернет! Теперь, не вставая из-за стола, я узнаю много нового про такой специфический аспект человеческой деятельности, как смертная казнь. Оказывается, в средневековых лилипутских германских королевствах традиционно отсекали голову мечом. Но применяли и другие интересные способы. Например, ведьм сжигали, за супружескую измену мужчин четвертовали, а женщин топили. А что делали с ведьмами, изменявшими мужьям? Огонь, вода и медные трубы? Охотно также использовали колесование, погребение заживо, посадку на кол и тому подобные изощрения. Причем протестанты в своем рвении ничуть не уступали католикам. Бесноватый Адольф ввел смертную казнь через повешение и гильотину. В Вермахте применялся расстрел, а в концентрационных лагерях – газовые камеры. В общем, выбор смерти был довольно широк.

После войны уже самих нацистских главарей повесили и на том угомонились. В Западной Германии и Западном Берлине смертную казнь отменили в тысяча девятьсот сорок девятом году, а в Восточной – в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом. Перестали раздавать билеты на «корабль мертвых». Немецкие коммунисты до шестидесяти шестого года экономно рубили головы своим врагам на гильотине, а впоследствии решили пострелять. Теперь статья сто вторая Основного закона Германии гласит, что смертная казнь в Германии отменена и «Баварский монстр» может невозбранно приглашать меня в гости.

И все-таки. Надо признать, что это странное письмо от странного человека нарушило мертвую тишину моих беспробудней. Для чего Кальт хочет со мной встретиться? Откуда вообще он меня знает?

Рядышком со мной устраивается Марина. Желтый круг света от ночника в темном зале. Телевизор мягко мурлычет что-то лирическое. Позднеевечерний интим. Лукас уже спит. Напрыгался за день, кенгуреныш. Саши дома нет. После работы он ушел к другу. Друг, тоже Саша, живет по соседству. Парни часто проводят вечера вместе. Пьют пиво и говорят о чем-то своем. Оба Саши – бывшие одноклассники, окончили местную школу. Теперь в ней учится Лукас. Пока наш Саша на работе, второй Саша целыми днями сидит дома у компьютера – играет в сложные игры-стратегии. После окончания школы оба вместе пошли учиться на механиков, но нашего Сашу взяли, а его друга нет. Так он и остался за бортом германского процветания. Безуспешно потыкался туда-сюда и застрял в кресле перед «компом». Слава богу, папа-мама кормят.

Марина за моим плечом зевает так, как будто орет изо всех сил с выключенным звуком. Устала, солнышко. Вволю назевавшись, жена начинает негромко рассказывать, как прошел

ее день. Она сегодня ездила к врачу, сдала анализы. Если анализы окажутся негативными – операция. Будут резать. «И не тянуть!» – сказал ей доктор Ольшевски.

Это еще не все плохие новости. Утром, пока я спал, Марина поговорила со своей старшей сестрой Наташей. В свое время Наташа не поехала со всем их кланом в Германию, осталась с семьей в Казахстане. Год назад у нее обнаружили рак печени. Наташа перенесла уже две операции, но метастазы появляются снова и снова. Сегодня утром она попросила Марину приехать в Казахстан, попрощаться. Очевидно, что дело совсем плохо.

– И что ты решила? – спрашиваю я жену.

– Что тут решать? Нужно ехать, – пожимает плечами Марина.

– Когда?

– В ближайшее время. Завтра закажу билеты на самолет до Астаны.

– А дети?

– Возьму обоих с собой. Саша сегодня переговорил на работе. Ему дают две недели в счет отпуска. У Лукаса все равно скоро начинаются каникулы. От класса не отстанет.

Марина обнимает меня, утыкается носом мне в шею и тихо шепчет на ухо:

– Придется тебе пожить одному. Сможешь?

– Не сомневайся, – храбро отвечаю я. – На сколько дней ты летишь к сестре?

– На месяц. Сестру поддержать и ребятам мою родину показать. Да и кое-каких подруг надо навестить.

Я чувствую себя гусеницей в коконе страха. Страх за Марину. Страх за Наташу. Сестры катятся к гибели. Весь мой мир катится к гибели. Хотя все мы, рано или поздно, станем удобением. Подобная философия меня совсем не успокаивает.

– Как твоя литература? – меняет тему Марина.

Я вздыхаю.

– Никак. Мои молитвы об успехе наверх не проходят.

Хочу рассказать жене о приглашении «Баварского монстра», но звонок в дверь затыкает мне рот. У Саши есть ключи. Кого это еще принесло? Мы, не сговариваясь, укоризненно смотрим на часы. В Баварии не принято ходить в гости так поздно.

Марина открывает дверь. Из зала мне видно, что на пороге скособочилась одна из двух наших соседок – старенькая фрау Краус. Фрау Краус приехала в Наш Городок после войны из Чехии. Судетская немка. Сейчас ей уже за девяносто.

Соседка подслеповато шурится, стараясь углядеть в темноте хозяев. Она одета в затрапезный домашний халатик. Руки трясутся. От старческой немощи.

– Что случилось, фрау Краус? – участливо спрашивает старушку Марина, включая в прихожей свет.

Та невнятно бормочет беззубым ртом, беспомощно прижимая руки к груди:

– Я прошу прощения, но мне плохо. Очень плохо. У меня нет родных, все уже умерли. Мне больше не к кому обратиться. Не могли бы вы мне помочь?

Фрау Краус всхлипывает, и Марина ласково обнимает старушку за плечики:

– Может быть, вызвать «Скорую помощь»?

Соседка трясет головой, словно вытряхивает воду из уха.

– Нет-нет, не беспокойтесь. Я уже приняла лекарство. Не могли бы вы просто посидеть со мной, пока лекарство не начнет действовать? Если это уместно... Я была бы очень благодарна...

Марина вопросительно смотрит на меня. Я киваю. Жена успокаивает старушку:

– Ну, разумеется, фрау Краус. Я побуду рядом с вами. Пойдемте.

Обе женщины выходят. Я остаюсь в круге света один. Почти полночь.

В Германии есть такая традиция – на Рождество дарить соседям по дому бутылочку шампанского, сладости... Ну, все дела. Если соседей не оказывается дома – оставляют подарок под

дверью. Мы обычно посылаем Лукаса. Он очень любит это дело, потому что обе бабульки – наши соседки – всегда ему дают по пять евро. Через эти подарки я и познакомился с фрау Краус и фрау Хунгер. Фрау Хунгер тоже старушка – божий одуванчик. Ровесница фрау Краус и Октябрьской революции.

Но я отвлекся. Так что там у нас такое со смертной казнью? Читаю в Интернете статьи. Споры о необходимости и бесполезности смертной казни могут продолжаться вечно. Сторонники и противники, мне кажется, никогда не договорятся между собой. Суровые сторонники в основном делают упор на устрашающем эффекте смерти, да и вообще предлагают не умничать и вернуть правосудие к принципу «око за око, зуб за зуб». Мол, украл курицу – отрубить руку. Украл вторую – отрубить негодяю вторую руку, и так сокращать негодяя, пока он совсем не исчезнет с лица земли. И все засияет!

Сердобольные противники применения смертной казни твердят о том, что право человеческого существа на жизнь универсально и не может быть никем ограничено. Один из их важнейших доводов – сбои в системе правосудия в виде ошибочно вынесенных приговоров, часто на основании лжесвидетельств. Такие сбои хотя и довольно редки, все же происходят регулярно. Ведь самый опытный и проницательный судья – не Бог, а всего лишь усталый человек с кучей болезней и забот. Он может с должной добросовестностью выносить решение только на основании доказательств, данных и установленных фактов. Что произошло на самом деле, знают только преступник и его жертва. Практика наглядно показывает, что судьи иногда совершают ошибки. И, если в результате такой ошибки человек будет приговорен к тюремному сроку, такой приговор еще можно отменить, невинно осужденного выпустить на свободу и выплатить ему компенсацию за нанесенный ущерб. Но если кого-то казнят за преступление, которое он не совершал, исправить последствия такого приговора будет уже невозможно.

На мой взгляд, сама идея убийства во имя справедливости дурно пахнет. Во многих странах, особенно с богоравными вождями во главе, однажды введенная смертная казнь начинала применяться все шире и приводила к таким страшным последствиям, к каким никогда бы не привела ее отмена. Но не буду тыкать палкой, где.

Читая статьи, я узнаю, что, оказывается, скоро, а именно десятого октября, будет отмечаться Всемирный день борьбы против смертной казни. Все прогрессивное человечество должно присоединиться. Короче говоря, смертная казнь несовместима с уважением прав человека. Одна лишь казнь невиновных – уже достаточное основание для ее отмены во всем мире. Кроме того, существование смертной казни не препятствует совершению преступлений, о чем наглядно свидетельствует нездоровая деятельность всяких «душителеев», «дровосеков» и «мясников». В общем, Евросоюз борется за полную отмену смертной казни и флаг ему в руки. Я – «за», даже несмотря на существование «Баварского монстра» в ста километрах от меня. Государство не должно убивать своих людей. Жестокость только порождает жестокость и умножает ее.

За окном напоследок устало бренькают колокола. Прощаются с нами до утра. Уже ночь. Сажу один-единешенек в комнате. Углы тонут в темноте. Только свет ночника очерчивает вокруг меня спасительный круг. Свет защищает меня от тьмы и ее чудовищ. От мальчика и девочки в белых саванах, например. Круг, аутентичный тому, который охранял глупого бурсака Хому Брута в «Вие» Гоголя от приставаний ведьмы.

Я здесь чужеродное тело. Фундаментально одинок. Весь мой хвост прошлого остался там, в России. Длинный-предлинный извилистый хвост. Родители, брат, сын (не хочу, чтобы мой ДНК умер вместе со мной). Друзья и знакомые. Работа, коллеги. Женщины... Я, как застигнутая врасплох ящерица, сбросил хвост и юркнул под соседний валун. От бывшей жены, правда, далеко сбежать не удалось. Виолетта тоже здесь. Под тем же самым валуном. Наверное, спит сейчас в одной постели с новеньким немецким мужем. В тихом городке, в соседней федераль-

ной земле, где-то под Штуттгартом. От Нашего Городка далеко. Далеко по германскому счету, конечно. На машине часа три езды по автобану. Край света...

Щелкает замок входной двери. Это Саша. Куртка в мокрых пятнах. От нее тянет влажной махрой. Ясно. На улице дождь.

– А где мама?

– Пошла к фрау Краус. Бабке стало плохо, и она попросила с ней посидеть.

– Понятно. Тогда спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Саша уходит к себе. Ему завтра на работу. Он встает в пять утра, потому что смена начинается в шесть. В Германии многие начинают работу очень рано. Зато и заканчивают после обеда. Но приходится рано ложиться спать. В восемь вечера на улицах уже никого нет. Плюс-минус, плюс-минус. В среднем – сгодится. Баланс.

Я барабаню пальцами по столу. На моем тайном языке это означает: «Пора спать, чудик». В голову все равно ничто умное не стучится. Можно выключать ненужный компьютер. В темное стекло с шумом плещет вода. Дождь совсем разошелся.

Марины все еще нет. Караулит за стенкой нестабильное самочувствие фрау Краус. Я лежу в темноте и рассматриваю потолок. Припарковал себя на постели. Напротив широкой супружеской кровати стоит старинный шкаф с зеркалами на дверцах. Могучий, во всю стену, из мореного дуба. Как он сюда попал, остается загадкой. Шкаф уже здесь стоял, когда Марина въезжала в эту квартиру. Он гораздо больше окна и двери в спальне. Как же он здесь очутился? Может быть, его воздвигли сразу вместе с домом? Или вырастили прямо в спальне, как дерево? Кстати, Марина в этом шкафу нашла пыльную бутылку шампанского образца тысяча девятьсот тридцать шестого года. Какой-то фашист спрятал, чтобы отпраздновать захват мира. Или забыл.

На потолке сложный лабиринт из разводов плесени. Шиммель. Немецкая общенациональная трагедия. Если в Англии принято говорить о погоде, то в Германии принято говорить о плесени. Любая светская беседа неизбежно переходит на эту животрепещущую тему. «А у вас в доме есть шиммель? А как вы с ним боретесь? А мне недавно порекомендовали прекрасное средство от шиммеля». Ну, и так далее. И все бесполезно. Зло побеждает. Влажный климат плюс отсутствие нормальной вентиляции в жилищах.

Детские призраки больше меня не беспокоят. Вот уже начал засыпать. Но! Маринка! Холодная, как лягушка, с разгону впечатывается в кровать рядом со мной.

– Фрау Краус стало лучше, и она задремала, – сообщает жена, начиная гладить мое тело ледяными руками. Соскучилась, видите ли! Марина вообще мерзлячка. Маринка-льдинка! Даже летом ей зябко. Зяблик, ёклмн! А уж в октябре она – совсем сосулька. В смысле, такая же холодная.

После инсульта я в постели совсем не ас, но нужная для женщин функция у меня восстановилась вполне. Так что я уверенно отвечаю на ласки жены добротной эрекцией. Чем могу – помогу. Марина требовательно тянет меня на себя. Я и не сопротивляюсь. Не забыть бы про прелюдию. Последние посторонние мысли: «Не поеду я к Кальту. Рвотогонная жизнь этого ублюдка нисколько меня не заинтересовала. И не забыть бы про прелюдию!»

Глава 3

После развратной ночи под аккомпанемент дождя испытываем на сытность баварский завтрак, состоящий из бутербродов с колбасой и сыром плюс чашка горячего крепкого кофе (для Марины – еще печенюшки). Саша уже на работе. Лукас еще в школе. А мы с Мариной садимся в «Форд» и под бодрящий звон колоколов едем к Кате за котом. Дождя, для разнообразия, нет. Катя в это утро должна быть у зубного врача, но у Марины есть ключ от квартиры сестры. Кот живет недалеко от нас – минут семь езды по безлюдным улицам. В Германии вообще пустынные улицы. В крупных городах автомобили идут один за другим по проезжей части, а тротуары свободны. В Нашем Городке и машины редки. Как объясняет этот феномен брат Марины Федя: «Все мужики на работе вкалывают, а их бабы на авто катаются по магазинам! Вот и некому по тротуарам бродить!» А на мой вкус, без людей гораздо лучше.

Кот спокойно спит в корзине. Оставлен на хозяйстве. Видно, что он не собирался никуда ехать. И вообще не ожидал от нас такой подлости. Марина хватается этот сгусток старости в руки и, сюсюкая с ним, как с «бэбиком» (иди сюда, мой сладкий сахар!), тащит его к машине. Я для тренировки ног плетусь следом. Облезлый старикашка недоверчиво смотрит на мою жену, но пока не орет. Любовь без доверия, как цветок без запаха!

«Халло! – Халло!»

Практис ветеринара просторен, модернист и пахнет освежителем «Океанский бриз». Нас встречают собачьи улыбки с плакатов дог-клуба и похожая на колли рыжая девушка за стойкой. Все вокруг стерильно белое. Других посетителей нет.

После короткой процедуры завоевывания котовьего доверия (девушка легонько погладила нашего старпера за ушком) несем «Иди, жри!» в процедурную. Марина передает кота ветеринару. В помещении появляется врач со шприцем в руках. Кот, заподозрив неладное, пробно веньгаёт. Мол, внимание! Кот в опасности!

Не обращая внимания на реакцию пациента, врач делает быстрый укол в вену на передней лапке. А может быть, и не в вену. Как уж они там ее находят, я не знаю. Кот тощий, весь высохший, как русалка в пустыне. Но специалистам виднее. После процедуры врач дает нам несколько рекомендаций, которые я почти не понимаю. Ясно только, что нужно следить за кошачьей температурой и давлением крови. Не позволять «Иди, жри!» лишку жрать и подольше гулять с ним на воздухе. Хорошо хоть, что по утрам ему не нужно читать свежие газеты!

«Чюсс! – Чюсс!»

Распрощавшись с ветеринаром, едем обратно. Кот вольготно развалился на заднем сиденье с заклеенной лапкой. Отращивает аппетит. Проезжаем автозаправку «Ажип» возле Катиного дома.

– Давай заедем, заправимся?

– Давай.

Марина постоянно следит за ценами на бензин. В Германии они скачут, как подростки на батуте. Кувыркаются туда-сюда в течение недели. Это в России цены неизменно падают вверх. Стабильность. А здесь все следят за игрой цифирок – мониторят. Ловят понижение и заправляют своих железных лошадей, когда дешевле. Марина с Сашей не исключение.

Заправок, кстати, немного. Прошлой весной я, Марина и Лукас ездили к своим друзьям в Швебиш-Гмюнд. Сразу, с дороги, заправиться поленились – отложили это дело на потом. Тем более что Оля – наша тамошняя подруга – сказала, что ближайшая заправочная станция начинает работать с шести утра, и мы перед дорогой домой сможем досыта накормить свой «Форд». Заронила надежду. Мы легкомысленно выбросили из головы эту заботу. И совершенно напрасно.

Когда в воскресенье в шесть утра мы радостно подъехали к заправке, она оказалась закрыта. Из окна доносился громкий рок. Кроме жизнерадостной музыки, других признаков жизни заправка не подавала. Мы подождали чуток и, прочитав на дверях, что бензин начнут наливать только с восьми часов, решили больше не ждать, а ехать дальше в сторону Нашего Городка. Ничего страшного. Купим топливо на следующей заправочной станции. Тронулись. Тогда я еще не был мизантропом с просверленной головой. Меня укреплял неубывающий оптимизм. Марина надеялась на меня, а Лукас спал на заднем сиденье, сипя, как велосипедный насос.

На всем стокилометровом пути оказались лишь две заправки. Закрытые, естественно. Так мы добрались до Аалена – последнего города перед выездом на автобан. Стрелка, показывающая уровень бензина в баке, давно уже лежала, как павший воин. На автобан в таком состоянии выезжать было категорически страшно.

Аален мы абсолютно, тотально не знали. Увидев наконец еще одну закрытую заправку, Марина остановила на ней машину, и я отправил себя узнавать, когда начнут продавать бензин. К нашему отчаянию, большой красочно-веселенький плакат объявлял, что заправка по выходным дням вообще не работает! Теперь только в понедельник. Что называется – приплыли! Стакан бензина в баке. Совершенно безлюдный город. Восемь утра! Да еще в воскресенье! Да еще в Германии!

Но у меня, оказывается, очень большой ангел-хранитель, как сказал хирург после операции, когда мое сознание вышло из сумрака. Ангел-хранитель, видимо, увидел наши заморочки и решил помочь. Пока я с отчаянием разглядывал беспощадное объявление, он принял облик пожилого чернокожего ааленца и неторопливо прошагал мимо меня в направлении закусочной «Макдоналдс». Я услышал, как в закусочной заскрипели двери.

– А давай спросим его, где в Аалене заправка, которая работает по выходным? – предложила мне Марина.

И хотя я считал, что нам уже ничто не поможет, мы, оставив спящего Лукаса сторожить машину, отправились в «Макдоналдс». А что было делать? Ну, хоть сосиску в тесте с горя съесть.

Негр возился с коробками у входа. Наводил порядок. Я спросил его по-немецки, где здесь можно заправить машину. Он улыбнулся и охотно мне ответил. Зря он так. Я недоуменно посмотрел на Марину, Марина недоуменно посмотрела на меня. Все ясно, но ни слова непонятно. Возможно, швабский диалект. Совершенно непостижимый для нас – баварцев. Я спросил то же самое еще раз. Негр улыбнулся и снова ответил. Точно так же. Я посмотрел на Марину. Марина посмотрела на меня. Ноль целых, шиш десятых. Негр понял, что мы приезжие или тупые, улыбнулся и еще раз повторил свою фразу. Потом еще, и еще, и еще.... Стоп! То есть хальт! Марина поняла!

Мы поблагодарили настойчивого, как отбойный молоток, негра и вернулись к «Форду». Остальное было уже делом техники. Пара правильных поворотов, и вот мы на заправке. И она работает! Все! Бензин добросовестно журчит в бак. Через несколько минут выезжаем на автобан и птицей-тройкой летим домой. Я, Марина и Лукас. После этого случая мы дали себе слово заправляться сразу, как только появится такая необходимость.

Но все это случилось прошлой весной. А сегодня, налив под горлышко дешевого бензина, заворачиваем во двор к Кате. Проезжаем мимо таблички с угрожающей надписью: «Доступ во двор под свою ответственность!» Не пугайте – пуганые, вся жизнь «под свою ответственность». Останавливаемся у подъезда. Выгружаем кота. Кати все еще нет. Марина наливает животине свежей водички, раскладывает по тарелочкам консервы трех сортов: говядина, курочка, рыбка. «Иди, жри! Анорексия старая!»

Накормили, отклеили с лапки пластырь, уложили в корзину. Кот устало прикрыл глаза. Утомился, перенервничал. На цыпочках выходим на лестничную клетку, осторожно прикрываем дверь, облегченно вздыхаем. Уфф!..

Только избавились от кота – на очереди следующая забота. Теперь едем к фрау Половинкин – нашему семейному врачу. Время истекать кровью.

И вот маленькая улочка в центре Нашего Городка. У дверей подъезда скромная вывеска «Мухаммед и Половинкин. Врачи общей практики». Партнер и коллега нашей русской фрау арабский герр Мухаммед. Невысокий, живой, темненький. Тезка пророка удивительно похож на американского актера Дэвида Сюше, играющего знаменитого сыщика Эркюля Пуаро в безграничном сериале по произведениям Агаты Кристи. Только без усов.

Я в одиночестве поднимаю себя на второй этаж. Для тренировки ног – по лестнице. Хотя больше упражняются руки – подтягиваюсь, цепляясь за перила. Марина остается ждать меня в машине. Так дешевле. Стоянка возле праксиса запрещена. Здесь часто прогуливаются служащие муниципалитета с пачкой штрафных квитанций. Увидят пустую машину и засунут под дворник уведомление о том, что ты теперь должен заплатить пятнадцать евро. А если водитель на месте, просто попросят освободить территорию. Такое правило.

«Халло! – Халло!»

В праксисе сегодня аншлаг. Свободных стульев в комнате ожидания нет. И все – русаки, к фрау Половинкин. Хмуро разглядывают друг друга и цветные немецкие журналы, ненужной горой рассыпанные по столу в центре комнаты. Еще есть ближневосточная чета с массой курчавых ребятшек. Эти к Мухаммеду. Орава непредсказуемых арабчат возится у окна. Там оборудован уголок для детского сумбура с игрушками, фломастерами и альбомами для рисования. Толстая мамаша арабчат, накрытая темным плотным платком, настороженно сверкает черными очами. Маленький, тщедушный муж рядом с ней гордо оглядывает свой табор и с вызовом посматривает на русаков. Вот, мол, настрогол. А вам слабо?

К счастью, медсестра с ходу приглашает меня в кабинет фрау Половинкин. По дороге наткнувшись на Мухаммеда. Он проскакивает мимо меня, но потом, узнав, возвращается и приветственно жмет мне руку. Улыбается, говорит что-то вроде: чирим-бирим! Он вообще душевный мужик.

У Половинкиной в кабинете царит сугубо деловая атмосфера. Сама фрау доктор уже приготовила умный приборчик для анализа крови и нетерпеливо вертит в руках иголку. Ей ассистирует немолодая белобрысая медсестра. Кровопотерю мне организуют моментально. Я не успеваю ойкнуть, как Половинкина прокалывает мой средний палец и выжимает толстую алую каплю. Капля шлепается на прозрачную пластинку, торчащую из умного приборчика. Брызги. Половинкина лечит мой раненый палец узкой полоской пластыря. Пока доктор возится со мной, приборчик анализирует то, что ему от меня досталось.

– Кровь в норме, – ободряет врач. – Того, что мы с вами хотели, мы добились.

– Что дальше? – спрашиваю я фрау Половинкин, рассеянно разглядывая широкую задницу белобрысой медсестры, которая, нагнувшись, достает какие-то вещества с нижней полки стеллажа. Задница как задница. Ничего особенного.

– Продолжайте принимать те таблетки, которые я вам назначила, и через месяц опять ко мне, проверим кровь. Сейчас я выпишу вам рецепты. Будете пить по полтаблетки каждого препарата два раза в день, после еды.

Я молча киваю. Я уже не оперирую такими категориями, как «через месяц». Через месяц я буду далеко отсюда. Возможно, в параллельном Нашем Городке, в параллельном мире, у параллельной фрау Половинкин. Может быть, моя замерзшая в Яви душа согреется в Нави?

«Чюсс! – Чюсс!»

– Теперь куда? – спрашиваю застывшую в октябрьском предобеде супругу. Впрочем, Марине вечно холодно. Сейчас-то ничего удивительного. Печка в машине выключена. Сиденье

жжет льдом даже через джинсы. К тому же начинается долгий осенний дождь. Плюс шесть, пасмурно, ветрено. Для пессимистов, декадентов и прочих «пьеро» прямо праздник какой-то!

– Едем на фенишки!

Марина заводит «Форд», и мы вливаемся в жидкий поток транспорта. Медленно течем вместе с потоком к железнодорожному вокзалу. Зона тридцать! Хотя в городах Германии разрешено движение автотранспорта до пятидесяти километров в час, но на каждом шагу, опровергая это правило, натканы знаки – тридцать. Вот и плетутся друг за другом мощные «Порше», «Мерседесы» и «Ауди». Ждут, когда можно будет на автобане показать, на что они способны. Какой же не немец не любит быстрой езды!

В Нашем Городке вокзал – отправная точка всех странствий. На поезде в любую сторону мира: Франция, Швейцария, Австрия, Чехия... Все автобусные маршруты также начинаются отсюда. Вокзал в Нашем Городке – это и Киев, до которого язык доведет, и Рим, в который ведут все дороги. В районе вокзала находятся большие магазины, главпочтамт, врачи, похоронное бюро, отели, рестораны и другие полезные заведения. Там же, в середине квадрата жилых домов, прячутся и фенишки (я же обещал рассказать про халявный «хавчик»!). Для тех, кто не из Нашего Городка, объясняю: фенишки – это магазин, скорее пункт раздачи продуктов питания и одежды малоимущим. Типа, бледный луч коммунистического вчера. На первом этаже – продукты, на втором – одежда и обувь. Товар тот же самый, что и в обычных магазинах, только срок годности у продуктов истекает через один-два дня. Поэтому купили – съели, что не съели – выбросили.

Я спрашивал у Марины: «Почему фенишки? Что означает это загадочное слово?» Жена только пожала плечами. «Не знаю. Все говорят, и я говорю». Не надо думать, что фенишки доступны всем желающим. Отнюдь. Вот если твой доход ниже определенного уровня, ты получаешь пластиковую карточку – билет в рай, и становишься в шеренгу избранных. Остальные должны вкалывать. Марина не работает – болеет, получает пособие от АРГ – еще одна таинственная организация. Не знаю, что значит эта аббревиатура, как переводится на русский язык. Знаю только, что в конце каждого месяца из АРГ перечисляют на счет Марины деньги на всю семью. На меня, Лукаса и саму Марину. На это и живем. И, конечно, фенишки. Три раза в неделю имеем право.

На этот раз остаюсь мерзнуть в машине я. Жена прижала «Форд» к тротуару, велела мне одному не баловаться и, набрав полные руки пустых пакетов, исчезла. Удачной охоты! Сижу, смотрю, не балуюсь. Один же. Мимо «Форда» медленно проезжает черный, сверкающий от дождевой воды «Мерседес». Мое внимание останавливает забавная наклейка сзади, чуть выше бампера. Перечеркнутая жирной красной чертой надпись «Freistaat Bayern» и ниже «Republik Bayern». Еще один баварский патриот, выступающий за создание независимой Баварской республики.

Водитель «мерса» тоже ищет место для парковки. Со скукой разглядываю дорожное авто. А что? Мне нравится. В следующей жизни обязательно куплю себе «Мерседес». А через жизнь – «Порше». Тоже супер-пупер. Здесь «Мерседес» называют «Машиной для пенсионеров». Он же вообще не ломается. Бытует такая легенда – вышел на пенсию, купил новый «мерс», и не ты сдашь его когда-нибудь на свалку, а он тебя. Период дожития у «Мерседеса» дольше, чем у человека.

Пока я лениво перекаत्याю в голове эти мысли, водитель «мерса» находит свободное место впереди меня и останавливается. Но не выходит. Ну и правильно, незачем мокнуть под дождем.

Маневры «мерса» выглядят совершенно безобидно, и тогда еще меня не настораживают. А вскоре и Марина возвращается. Обе руки у нее заняты располневшими на фенишках пакетами. Я предупредительно открываю жене заднюю дверцу.

– Что, замерзла, как сучка? – произношу я дежурную фразу, заготовленную самой Мариной для такой погоды.

– Не подсказывай мне! – недовольно бурчит жена, устраивая на заднем сиденье тяжелые пакеты.

– Я что-то пропустил? По какому поводу злишься? Скажи, будем злиться вместе.

Марина занимает водительское место и через силу мне улыбается:

– Проклятый дождь! Вся прическа сломалась. Я прямо не знаю...

Я поджимаю губы. Ох уж эти женщины...

Домой едем по залакированным дождем улицам. На автобусных остановках колготятся стайки школьников. Много темных лиц. Турки, африканцы, арабы, албанцы... Школьники ржут, как кони. Анекдоты, приколы – разминают затекшие на уроках мозги. Прыгают друг на друга. Пихаются. Мустанги. Их дикая энергия пугает робко стареющих на лавочках под навесами немецких пенсионеров. А куда деваться? У одних возраст угасания, у других – угорания.

По пути заехали в бюро путешествий. Марина сбегала, заказала авиабилеты до Астаны себе и детям. Загранпаспорта у всех троих есть. В Германии с этим просто. Отдал заявление в городскую администрацию, и через две недели по почте получаешь уведомление. Иди, забирай свой новенький загранпаспорт. Тем более что, как бывшие граждане Казахстана, Марина и ее дети имеют право на визу без приглашения от Наташи. Марина на днях сгоняет во Франкфурт, в казахстанское консульство – отсюда двадцать минут по автобану, – получит визы, и вперед. В край бескрайних степей.

Ну, вот мы и дома. Турне по Нашему Городку завершено. Круг замкнулся там же, откуда мы начали его проводить. На Песталоцциштрассе, один.

Пойти поесть, что ли? Ударить аппетитом по беляшам? Марина принесла с фенишек пакет с готовыми, достаточно разогреть их в микроволновке. Сегодняшние поездки под дождем вызвали во мне кратковременную тягу к жизни. А жизнь – это еда. Или наоборот? Еда – это жизнь? В общем, неважно. Лучше жри и помалкивай!

Пока я раздумывал, посылать ли себя на кухню, хлопнула входная дверь и мимо меня из школы пробежал Лукас.

– Халло, мама! Халло, Вадим!

– Халло, Лукас!

«Эх, опять не успел!» Лукас, как самокат, укатился в детскую. Там его заждалась игровая приставка. Лукас нормальную еду не ест. В его системе ценностей нормальная еда на предпоследнем месте. На последнем – домашние уроки. Для возмещения энергетических затрат Лукасу достаточно пакета картофельных чипсов или ведерка попкорна. Современный ребенок.

А может, принять тяжелое решение? Вместо обеда покемарить перед компьютером? Выбор невелик: компьютер или толчок для размышлений. Хотя что там делать на толчке в туалете, если не поесть, а только размышлять насухую?

Звон колоколов напоминает, что поток времени не замедляется. Марина на кухне распределяет продукты с фенишек. Сегодня добыча состоит из клубники, винограда, черники, сыра, колбасы, сосисок, пака с молоком, хлеба, упаковки профитролей с кремом, коробки конфет, пачки печенья, беляшей... Продолжение следует.

Лукас крутится у мамки под ногами. Ему вообще присуща тяга к контролю окружающей среды. Лукас постоянно спрашивает нас о том, кто приходил, кто звонил, куда мы идем, что мы собираемся делать. Пытается держать весь свой мирок под контролем, но, увы... Даже у Александра Македонского, Чингисхана, Наполеона, Гитлера и Сталина не хватило на это сил. Тем более у Лукаса. Он еще маленький.

Выбираю для себя более тернистый жизненный путь и сажусь к «компу». Проверяю почту. Ничего важного. Тогда вернемся к нашим маньякам. Снова перечитываю сообщение Алоиса Кальта.

«Уважаемый господин Росс, прошу Вас оказать мне честь и...» и так далее. Может, это другой Кальт? Не серийный убийца? Почему я решил, что именно маньяк захотел со мной встретиться? Мало ли в Германии Алоисов Кальтов? Не все же они маньяки?

Я снова рыскаю в Интернете. Другого Алоиса Кальта нет. Зато натыкаюсь на классификацию серийных убийц. Есть и такая. Читаю.

«Классификация серийных убийц. Необходимо отличать многоэпизодные убийства от серийных. Многие криминалистические школы рассматривают многоэпизодные убийства в качестве серийных, если только они были совершены по сексуальным мотивам. Серийные убийцы классифицируются по методу совершения и по мотиву.

По методу совершения: организованные и дезорганизованные. Организованные серийные убийцы, или расчетливые, имеют четкий план действий по выслеживанию и убийству жертвы. Если происходит неудача, организованные серийные убийцы способны отложить выполнение своего плана. Таким образом, они могут держать свои желания под контролем. Такие убийцы стараются скрыть улики и труп, имеют средний или выше среднего интеллект, хорошо адаптированы в обществе, но имеют глубокие расстройства личности.

Дезорганизованные, или импульсивные, убийцы – это, как правило, люди с наличием тяжелого психического заболевания или слабоумные. Такие убийцы не выслеживают специально свои жертвы. Убивают первых попавшихся. Не стараются скрыть улики и труп, социально не адаптированы, часто безработные или занимающиеся трудом, не требующим высокой квалификации.

По мотиву. Каннибалы – совершают убийства с целью употребления тела жертвы в пищу. Охотники за властью – утверждают свое превосходство над жертвой, стремятся компенсировать ощущение собственной неполноценности. Сластолюбцы – убивают ради сексуального удовлетворения. Миссионеры – считают себя мстителями, судьями или санитарями, очищающими человечество от проституток, гомосексуалистов, людей другой расы и тому подобной «грязи». Визионеры – убийцы с клиническим бредом и галлюцинациями. Обычно с «голосами», приказывающими убивать. Параноидальные шизофреники.

Однако серийных убийц редко можно однозначно отнести только к одному типу. Как правило, они сочетают в себе несколько мотивов. Исследования показывают, что серийный убийца формируется с раннего возраста. Садистские наклонности появляются уже в раннем детстве. Ученые выяснили, что жестокость обусловлена не только воспитанием в семье, но и генетической предрасположенностью. У личностей с неустойчивой психикой агрессивность увеличивается весной и осенью. Таким образом, серийные убийцы активизируют свою деятельность сезонно».

Фу, гадство! Чаю, что ли, выпить? Горячего, сладкого, крепкого. В граненом стакане с подстаканником. Как в детстве. А оно, детство, вообще было? Конечно, было! Откуда тогда в памяти, даже не в памяти, а где-то в подсознании, там, куда самому не залезть, середина шестидесятых? Детский садик, летняя дача за городом, просторные лесные поляны, белая панамка, короткие штанишки на лямках, обязательный сачок для ловли бабочек, творожная запеканка по утрам, хлеб с вареньем к чаю, запах дощатых сортиров... Мама и папа в родительский день – такие огромные, веселые, молодые. Бессмертные... «Вадинька, беги к нам!» Господи, как же давно это было! Кажется, действительно солнце тогда было жарче, а трава зеленее. Неужели я уже старый? Глупый, неуклюжий и неуместный в мире Лукаса. В пластмассовом мире чипсов, компьютеров, сотовых телефонов, силиконовых грудей. Искусственная замша, искусственный мех, кожаменитель... Люди в кожаменителе вместо кожи. Чтобы ничего не чувствовать. Не промокать от чужих слез. А мне куда идти? Где тогда мой мир? Спрятан в доме для престарелых?

Дурацкая влага в глазах. Почему? Депрессия? После инсульта я стал такой чувствительный! Мне бы кожаменитель...

Колокола возвращают меня в Наш Городок, за компьютер. Дверь – хлоп-хлоп, это Саша вернулся с работы. Приехал на автобусе. Длинный, тощий, усталый. Тяжела ты, доля немецкого механика. Он запирается в ванной. Смыть трудовой пот. Марина готовит ужин. Лукас, лежа на пузе в детской, играет в приставку. Земля вращается. Галактика расширяется. Все заняты делом, один я не при делах. Хорошо еще, что больше никаких детей в саванах. Глюки прекратились. То есть я тогда так думал. Не знал, что веселье только начинается.

После ужина – прогулка. Вечерний променад. Врачи рекомендуют. Полезно для восстановления клеток мозга. Даже несмотря на мелкий навязчивый дождь. Но без фанатизма. Я гуляю через день, по вечерам, вокруг своего дома. Когда уже стемнеет, чтобы меня не было видно. Я стесняюсь. Понимаю, что со стороны выгляжу, как перебравший лишнего забулдыга, возвращающийся домой из кнайпы. Если кто не знает, кнайпа – это пивная.

До инсульта мне хватало двух минут, чтобы обойти дом. Теперь необходимо не менее десяти, а то и пятнадцати. Смотря по самочувствию и настроению. Иногда делаю второй круг, иногда третий. Сила воли плюс характер. Или если под другим углом зрения: года идут, а дурь на месте. Потом карабкаюсь к себе на второй этаж по лестнице. Самая сложная часть прогулки.

После десяти вечера в Нашем Городке прекрасно. Спускаюсь со второго этажа по лестнице вниз, выхожу на улицу, и я – в этом тихом «прекрасно». Грустный дождик, запах зелени, тишина, безлюдье. Красота отсутствия человеческих отношений – вокруг никого. Из прозрачной темноты выступают очертания сказочных домиков: остроконечные башенки, резные карнизы, овалы входов, чугунные решетки оград. Магнолии, акации, платаны. Розы, пионы, сирень. Вокруг полно флоры, а из фауны только я сам.

Но я ошибаюсь. Оказывается, я не один. На вечерней безлюдной Песталоцциштрассе, кроме меня, есть еще человек – водитель черного «Мерседеса» с наклейкой «Republik Bayern». Я недоуменно наблюдаю, как «Мерседес» плавно отъезжает от моего дома и бесшумно, как сахар в кофе, растворяется во мраке.

Глава 4

Я все ловлю на лету. Я – человек с просверленным черепом, но не мозгами. Понимаю, что такое совпадение невозможно. Вокруг нас закипает какая-то нездоровая движуха. Один и тот же беспонтовый «Мерседес» с дурацкой наклейкой вчера днем у фенишек и вечером у нашего дома. За нами следят! Они везде! Но кто «они»? И за кем следят? За мной, Мариной, Сашей? Или за всеми сразу? Хотя на фенишках Саши с нами не было, в это время он на производстве крепил мощь рейха. Лукаса я сразу отметаю. Не дорос еще! Может, следят за мной? Любопытно, кому это вдруг стал интересен такой социофоб и затворник? Которому и жить-то осталось всего ничего! Впрочем, об этом никто не знает. И тем не менее!

Пока я недоумеваю и возмущаюсь про себя, Саша сноровисто крутит руль нашего «Форда», следуя изгибам улиц, ведущим в Ведьмин лес. Ничего страшного не случилось. Марина просто послала нас к лесному источнику за водой. Это тоже одна из характерных особенностей жизни в Нашем Городке. Вода в Германии – не «айс». Плотность населения высокая. Количество городов и городков (деревень, считается, нет!) на квадратный сантиметр территории огромно. Но большой жажды нет. Вода используется в одном населенном пункте, потом очищается и перегоняется по трубам в следующий. Там опять используется, очищается и перегоняется дальше. В общем, пьем профильтрованные отходы жизнедеятельности соседей. Лично жителей Нашего Городка поддерживает существование пары природных источников в Ведьмином лесу. Деревянная табличка затейливыми буквами оповещает, что это самая чистая вода в Северной Баварии. Якобы еще в каком-то лохматом году местные крестьяне охлаждали в этой воде бутылки с виноградным вином и поили овец. В смысле, водой, а не вином. Теперь вымерших овец сменили потомки тех самых крестьян. Многие жители Нашего Городка регулярно ездят к источникам и набирают воду. Ее пьют, на ней готовят. Мы тоже.

Наш Городок со всех сторон окружают невысокие холмы, окутанные зеленью. Часть этой зелени называется Ведьминым лесом. Это настоящий волшебный лес. Как из сказок братьев Гримм. Он весь зарос вегетативной жизнью. Толстые ели с манией величия, непролазные кусты, липкая паутина, как ветхие паруса, надувается между стволов, подозрительные компании поганок толпятся у трухлявых пней. Тайга! Но тайга с немецким акцентом. Просвещенно благоустроенная дорожка, посыпанная песком, с шлагбаумами и указателями, чтобы не заблудиться. Если по дорожке, ведущей к источнику, пройти дальше, то через двадцать минут тайга расти заканчивает и появляется Соседний Городок. Он еще меньше Нашего, но тоже пыжится и важничает: указатели на входе сообщают, что в Соседнем Городке есть своя ратуша, церковная община, просторная площадка для проведения народных праздников и пожарная команда. Все как у взрослых! И не забывайте выключать свет, когда уходите!

Останавливаем машину на стоянке, достаем из багажника четыре пластиковые канистры, тележку на колесиках и шагаем по дорожке к бывшему овечьему водопою. В кронах высоченных деревьев чирикают птицы. Воздух в лесу другой. Его начинаешь ощущать как прозрачный объект материальной природы. Легкие до отказа наполняет запах сырой хвои, гнилого дерева, мокрой земли. Дождя пока нет, но собирается. Вместо солнца в небе одеялом висят серые облака. Прохладно. Невнятный какой-то день.

Я подвижен, как замороженный труп. Толку от меня в лесу, конечно, мало, но для самореализации все-таки поехал. Навстречу то и дело попадают велосипедисты, собаководы со своими любимцами, ходоки с лыжными палками в руках. Странная норвежская придумка – кататься без лыж, но с палками – прижилась в Германии. Может быть, вскоре начнут играть в хоккей с клюшками, но без коньков и шайбы?

«Халло! – Халло! Грюсс готт! – Грюсс готт! Морген! – Морген!»

Каждый встречный-поперечный считает своим долгом поздороваться с тобой. Мы отвечаем. Нам пока не трудно. Канистры же пустые.

Вода источника забрана в трубу, недалеко выступающую из квадратного камня. Под нее удобно ставить емкости. Для этого под трубой уложен еще один гладкий камень. Все продумано. Наполняем по очереди канистры, накладываем их на тележку, и Саша, кряхтя от натуги, тянет тяжелую поклажу к нашему «Форду». Я иду следом, стараясь не забывать, где верх, где низ, где право, где лево. Балансирую. Главное – сохранять баланс! Баланс – это жизнь. Если баланс нарушится и гирька резко сместится... Впрочем, я это уже говорил.

Съездили, привезли воду. Черного «Мерседеса» я не заметил. Наш Саша уходит к другому Саше, сегодня у нашего Саши выходной. Лукас вместо школы бьет баклуши на улице на пару с очкастым Джейсоном. В стране праздник – День единства Германии. Марина сидит на диване, изучает рекламу в газетах и рекламные каталоги. Она это делает постоянно. Потом мы едем по магазинам и покупаем все, что угодно, по сниженным ценам. Очень выгодно. Экономия греет душу и не дает кошельку опустеть до самого дна.

– Звонил Федя. Приглашает к себе на дачу, на гриль, – говорит Марина, откладывая в сторону кипу яркой макулатуры (Федя – это младший брат Марины и заодно владелец небольшого сада на окраине Нашего Городка. Жена – Дженнифер, дочь – Ванесса).

– Когда?

– В пятницу. Я посмотрела в «компе» прогноз погоды на уик-энд. Будет сухо, до плюс двенадцати тепла. Поедем?

– Поехали. Посидим, мясо погрилим. Пожрем, водки выпьем. Заодно и тебе с детьми устроим отвальную. Вы же в субботу улетаете?

Сажая себя в кресло перед компьютером. Погулял, теперь пора за работу. Вон и колокола за окном как-то особенно трудолюбиво колошматятся. Нужно собрать себя в кучу, сконцентрироваться на безымянной книге. Время же еще есть. Месяц без двух дней. Хочется оставить что-то после. Что-то значительное, увлекательное. Чтобы мои произведения не читали на ночь вместо снотворного. Или в туалете.

Про подозрительный «Мерседес» я решил жене не говорить. Сам еще наверняка ничего не знаю. А вот про письмо Алоиса Кальта рассказал. Сказал и про то, что Алоис Кальт может оказаться тем самым «Баварским монстром», которым в Нашем Городке пугают детей.

– Ну, так съезди и узнай! – практически подходит к вопросу Марина. – Человек же приглашает. Значит, какое-то важное дело.

– А как я доберусь до этого Алоиса Кальта? Сто километров! Кто меня отвезет?

Марина задумывается.

– Федя с Дженнифер точно не смогут, можно и не спрашивать. По воскресеньям у Ванессы тренировки в бассейне, Дженнифер ее отвозит, а потом забирает обратно. У Кати – кот. – Вдруг жена оживляется: – Есть идея! Почему бы тебе не позвонить Эрнестасу? Вот кто может тебя свозить!

Я скептически смотрю на жену. Барабаню пальцами по подлокотнику кресла. На моем тайном языке это означает: «Срочно нужен Хоттабыч!»

С Эрнестасом я познакомился в прошлом году, когда начал посещать курсы немецкого языка для иностранцев. Во имя лучшей интеграции в Наш Городок. Такое правило. Из таинственного АРГ пришло направление на курсы, а из далекого (целых два часа на машине!) Вюрцбурга – извещение об оплате моих занятий из бюджета. Деваться мне было некуда – у них все схвачено, все оплачено, и я пошагал. В буквальном смысле пошагал – курсы находились в двадцати минутах ходьбы от Песталоцциштрассе. Три коротких автобусных остановки туда и две в обратную сторону. Автобусом я не пользовался – ходил пешком.

Группа состояла более чем наполовину из африканцев, какими-то тайными носорожьими тропами пробравшихся в центр Европы. Правда, был еще белый американец – бывший пилот

вертолета, женившийся на местной красавице. Турок, две польки, югослав, афганец, пара русаков и Эрнестас. Молодой парень из Литвы, лет двадцати, складный, симпатичный, невысокий, жилистый. Типичная литовская внешность, будто срисованная с героев фильмов Жалакявичуса.

Эрнестас, с абсолютным пренебрежением к уличной температуре, на курсы всегда приезжал в шортах по колено. Он вырос где-то под Каунасом, окончил среднюю школу и поехал за длинным евро в Испанию. Гастер. Собирал апельсины, виноград, оливки под жарким солнцем Андалусии. Через четыре года оказался в Германии – узнал, что заработки здесь раза в три выше, чем на родине Дон Кихота. В Германии Эрнестас женился на своей соотечественнице. Сольвейг родила ему дочку-инвалида. Такая вот пока вышла несурзная жизнь.

После первого занятия, когда я шел домой, Эрнестас подъехал к тротуару на старом гремющем «Опеле» с литовскими номерами и рукой поманил меня к машине. Я подошел, он предложил подвезти. Нам оказалось в одну сторону, и я согласился. По дороге мы разговорились. За несколько минут нашей короткой поездки Эрнестас успел кое-что рассказать о себе. Почему-то я вызвал симпатию и доверие у этого парня. С первого дня так и повелось. На занятиях Эрнестас теперь всегда садился впереди меня, рядом со скромным молчаливым эфиопом Хайлу и весь урок крутился, спрашивая у меня значение непонятных слов и списывая задания. А после – подвозил до Песталоцциштрассе.

Он первым навестил меня после инсульта. Посидели у нас в кухне, попили кофе, поговорили. В Эрнестасе всегда чувствовалась какая-то балтийская грусть. Пробивалась через природную смешливость, как вода родника сквозь камень в Ведьмином лесу. Возможно, после своей маленькой деревенской Литвы он чувствовал себя одиноким и потерянным в этом огромном европейском доме.

О Литве я практически ничего не знаю. Никогда там не был. Все мои знания об этой стране исчерпываются повестью древнего Проспера Мериме «Локис», забытым фильмом «Никто не хотел умирать» с молодыми Адомайтисом и Банионисом да именем великого литовского поэта Чюрлёниса, которого я не читал. Да! И еще литовской водкой «Стумбрас». Водка и Чюрлёнис. Чюрлёнис и водка. Для меня вся история Литвы – скучная дорога в дюнах. Просто еще одна невыросшая великая нация. Уж, прости меня, Эрнестас.

А может, Марина права? Метафизический поток времени зачем-то скрестил наши пути здесь, в Нашем Городке. Возможно, только лишь для того, чтобы в воскресенье Эрнестас свозил меня к Алоису Кальту? Беру свой сотовый телефон. Звоню.

– Халло, Эрнестас!

– О, халло, Вадим! Как здоровье?

– Норма. Уже съедаю полную тарелку пельменей. Ты можешь меня свозить в воскресенье в одно незнакомое место?

– Далеко?

– Сотня километров туда, сотня оттуда.

– Извини, Вадим, не смогу. Машина не потянет. Я в выходные собираюсь с ней повозиться, а то скоро совсем встанет.

Я не огорчаюсь. Ну, нет так нет. Нашим легче. Не нужно пилить в такую даль (по немецким меркам). Собираюсь тактично закончить разговор, но голос Эрнестаса продолжает жужжать в трубке:

– Слушай, я тут подумал. Тебя может выручить моя сестра, Лана. Она обожает гонять по автобанам. Хочешь, я попрошу ее тебе помочь?

Я мнусь. Не люблю напрягать чужих людей, да еще по неважным поводам. Марина тоже выжидающе смотрит на меня. А, ладно! Все равно в воскресенье я буду бездельничать дома один. Чем тупо сидеть за «компом»...

– Хочешь.

– Тогда я ей сейчас позвоню и дам твой номер. Она перезвонит. О'кей?

– О'кей. И спасибо.

– Не за что! Жалко, что я не смогу с тобой поехать.

Эрнестас выключился.

– Договорился? – спрашивает Марина, опять разворачивая каталог.

– Пока не уверен. Водитель должен перезвонить, – равнодушно отвечаю я жене. Мне неинтересно. А зря. Просто тогда я еще жил спокойно и не знал, что такое Лана!

Через несколько минут моя размеренная семейная жизнь трагически обрывается. Рушится. Только пока я этого не осознаю. Телефон натягивает нервы, словно тревожная сирена пожарной машины. Предупреждает: беда рядом! Беду зовут Лана.

– Халлёхен! – слышится в трубке кошачий голос.

Нет, конечно, я понимаю, что это слово произнесла незнакомая женщина среднего возраста, но похотливая кошка среднего возраста сказала бы точно таким же голосом, если бы Бог наградил ее способностью говорить.

– Лана?

– Да, – соглашается кошка, – это я. Когда и куда едем?

Я объясняю.

– Окей! В два я за вами заеду. Чюссхен! – и кошка исчезает в сотовой пустоте.

– Кто звонил? – тут же интересуется чумазый Лукас, появляясь в зале.

Нашего младшенького по пятам сопровождает тщедушный Джейсон. Друг тоже перемазан с головы до ног. Выглядит, как дух грязи, только очки блестят льдинками. Дети хотят есть.

– Все в ванную! – включает воспитание Марина. – Хорошенько умойтесь, а ты, Лукас, переоденься в чистое. Потом – марш на кухню!

– Да, мама!

Оба друга с адским шумом закрываются в ванной. Унитаз там тоже есть, поэтому они надолго.

Между тем возвращается Саша. Он устраивается на диване и включает телевизор. Сегодня идет немецкая шоу-лотерея, финал.

– Смотри, Вадим, – говорит мне Лукас, снова попадая в зал. – Я выгляжу как настоящий русский!

Почему как русский?! Дитя одето в камуфлированные шорты ниже колен и красную футболку с крупными белыми буквами «СССР».

– А я тогда как кто выгляжу? – недоумеваю я.

– Ты – как немец!

Очищенный от грязи, бледненький Джейсон противенько хихикает, не понимая ни слова из нашего разговора. Мы же по-русски. А сам-то, сам! Мелкий, зубы вперед, коленки торчат в стороны, как локти. Человек, воспитанный попкорном. Но это моя субъективная оценка. Для собственных родителей Джейсон, конечно, мил, как плюшевый зайка.

Дети шустро занимают места за столом. Марина от души накладывает им полные тарелки. Равиоли с овощами. С мясным фаршем вкуснее, но таких уже нет.

– Давайте, мужики, не зевайте! – подбадривает она маленьких едоков.

Лукас для аппетита врубает на полную мощность радио над столом. Господи, как было тихо! Неумолимый «быдлопоп» и пробки на дорогах. Саша включает телевизор погромче, чтобы лучше слышать, о чем стрекочет ведущий шоу-лотереи. В ванной начинает надрывно гудеть стиральная машина, вращая барабан с перепачканной одеждой Лукаса. И, наконец, церковные колокола властно накрывают начавшееся сражение звуков своим ровным гулким звоном. Ад и Израиль! Преисподняя разверзается и без остатка поглощает мое намерение написать шедевр!

Четверг пролетел стремительно и невзрачно. Ну, бесполезно просидел я у компьютера битый час, не выдавив из себя ни строчки. Ну, ожившая фрау Краус принесла конвертик с деньгами – благодарность за нашу о ней заботу (как Марина ни отнекивалась, пришлось взять). Ну, прогулялся я с трудом вечером вокруг дома – посмотрел, как мерцают звезды в темном небе. Ну, колокола молотили каждые пятнадцать минут, как ненормальные. И все. Никаких кошмарных призраков, никаких непонятных черных «Мерседесов». Рольставни поднять! Рольставни опустить! Четверг остался за спиной, во вчерашнем прошлом.

Потом наступает завтра. Пятница, утро. Пока Лукас ловит знания в школе, а Саша применяет знания на работе, мы с Мариной едем за продуктами в «Кауфланд». Нужно закупиться для гриль-парти у Феди, на дальнюю дорогу самой Марине с детьми и подарками казахстанским родственникам, конечно.

Пятница, как день, оказывается куда интереснее четверга. Пока я выбираюсь из «Форда» на просторной стоянке перед «Кауфландом», знакомый черный «Мерседес» осторожно заезжает следом и причаливает в самом дальнем углу. Из него никто не выходит. Вот угод!

Разозлившись на удачу, я ковыляю в сторону надоевшего авто, не обращая внимания на удивление Марины. Напрасно. Как только я делаю несколько неуверенных шагов в ту сторону, «Мерседес» плавно трогается и скользит к выезду со стоянки. Стекла тонированные, расстояние метров пятьдесят. Кто сидит в машине, не видно. Но наклейка про мечту о Баварской республике точно есть.

Проводив глазами нашего преследователя, я возвращаюсь к жене.

– Куда это ты отправился? – раздражается любимая супруга.

– Показалось, что знакомого увидел, – уклончиво бормочу я.

Придумано плохо. Знакомых у меня в Нашем Городке почти нет. А кто есть, того Марина знает, но недостаточно времени и желания сочинять достоверную ложь. Ладно, забыли.

В торговом центре малоллюдно. В кондиционированной прохладе огромного зала редкие покупатели катают перед собой проволочные тележки. Ищут, что подешевле. Стеллажи, стеллажи... Молочный отдел, мясной, кондитерка, заморозка, минеральная вода, алкоголь... Тридцать пять тысяч стеллажей! Полки, заполненные чуть более чем полностью красотой человеческих и природных творений. Яркие баночки, бутылочки, коробочки, пакеты... Овощи, фрукты. Экзотические фрукты – ароматный намек на цветастые тропики. На торцах полок ценники – сеятели сомнений. Марина зорко высматривает ценники красного цвета – на ценные товары.

Постепенно наша тележка наполняется. Мясо и сосиски для жарки, хлебные багеты с наполнителем из масла с травами, бананы... Это для гриля у Феди.

– Что вы на даче будете пить? – спрашивает Марина, разглядывая ряды винных бутылок.

– Катя употребляет только коньяк, Дженнифер только вино, Саша – пиво, Федя пьет все, – пожимаю я плечами.

– А ты что хочешь?

– Начну с коньяка, а там как мазь покатит! – отважно заявляю я. Пьяница из меня вообще-то не очень настоящий.

Берем две бутылки «Шантре». Коньяк хороший и недорогой. Мягкий и душистый. Любимая Катина марка. Марина пить не будет – за рулем. Ну, разве что рюмочку в самом начале буйства.

Пристраиваемся в конец очереди к кассе. Очередь двигается быстро. Проворная кассирша-немка с короткой стрижкой, похожая на некрасивого блондина, приветствует нас неожиданным американским:

– Хай! – И, увидев наши удивленные лица, хохочет: – Простите, заработалась...

Мы прощаем. Кассирша выбивает чек, отсчитывает Марине сдачу и расстается с нами уже традиционным немецким:

– Чюсс!

– Чюсс! – отвечает Марина

– Тогда уж «гуд-бай»! – улыбаюсь я веселой девчонке.

Кассирша снова смеется. Веселушка.

В четыре часа мы всем семейством плюс Катя с котом заруливаем на полупустую стоянку перед садовым товариществом. Сегодня Сашу отпустили с работы пораньше. Рабочая неделя закончилась – уик-энд начался. Ура-ура! Кто – на футбол, кто – в кнайпу, а мы – на Федину дачу. Грилить.

Над однообразными садовыми домиками там и сям гордо реют флаги: американские, итальянские, хорватские. Русских флагов не видно, хотя русаки составляют значительный процент садоводов. Не привыкли они на ветру демонстрировать свой патриотизм.

На веранде Федя уже раскочегаривает камин. Рядом ждут своей очереди в печь сухие деревянные чурки, угольные шарики для гриля. Дженнифер пропалывает грядки в пристроенной сбоку домика теплице. Экологически чистые продукты: редиска, огурцы, помидоры. Миллиард витаминов. Лукас и девятилетняя Ванесса сразу убегают на игровую площадку для детей. Там есть качели, карусель, песок. Чего им скучать со взрослыми? Проголодаются – прибегут на запах жареного мяса.

«Халло! – Халло! Халло! – Халло!»

На обе стороны. Это соседи. Слева русаки – бывшие москвичи, тощий Гена и толстая Люся, справа поляки. Как зовут поляков, я не знаю. Федя жмет нам руки и сразу находит всем работу. Женщины выкладывают мясо, сосиски, багеты, бананы на решетку. Решетку – в камин. Мужчины ставят посреди веранды стол, раскладывают подушки на пластиковые стулья. Кот лежит в корзине и контролирует процесс. Дождя нет, но не жарко. Над садами парят облака – словно вырезаны из белой бумаги и наклеены на синее небо.

Сажу на легком белом стуле. Не мешаю. Теплый ветерок. На солнышке даже припекает. Аппетитно пахнет жареным мясом. Эх, хорошо в стране баварской жить! Соседи-поляки уже поели и сейчас вдвоем лежат на лежаках, задрав ноги выше головы. Следят остановившимися глазами, как флюгер в виде колеса всех цветов радуги плавно вращается. Медитируют на флюгер. Гены и Люси на участке больше не видно – ушли в домик. У них, кстати, самый ухоженный участок: маленький бассейн, выложенный декоративным камнем, аккуратно подстриженная лужайка, кукольные домики-скворечники, дорожки из плитки, яркие цветочные клумбы... Образцово-показательный сад.

– Ну, все! Давайте садиться! – потирает руки Федя. Он вообще-то не Федя – Фридрих Шернер. Просто в том казахстанском селе, где он родился и вырос, в соседнем доме жила семья по фамилии Фридрих. Чтобы не путать этих самых Фридрихов с Федей, его все стали называть Федей. И он привык. Теперь Фридрихом его называют только в официальных случаях. Официальный Фридрих. Ему не идет. Федя – он и в Африке Федя! Даже Шернер.

Пока Марина и Катя накрывают стол, я от нечего делать заглядываю в теплицу к Дженнифер.

– Халло!

– Халло!

Дженнифер закончила прополку и стягивает желтые клеенчатые перчатки, чтобы пожать мне руку. Застенчиво улыбается. Она вообще такая. Несмотря на свои весомые тридцать пять, все еще скромная и негромкая. Папина дочка. Ее отец, насколько я знаю, решает кроссворды в доме для престарелых. Всю жизнь он держал какой-то маленький бизнес. Заработал достаточно: большой дом в Нашем Городке, этот сад. Когда пришла пора уходить на покой, отец Дженнифер не стал чахнуть над золотом, а по-простецки продал бизнес, все нажитое оставил единственной дочери и поселился в комфортабельном доме для престарелых. Меню, как в ресторане, никакой поп-музыки, парк, розы, пруд с лебедями. Мать Дженнифер давно умерла.

– Как дела, как папа?

– Все нормально, – кивает Дженнифер. – Мы с Федей работаем. Несса в третьем классе. Учится хорошо, занимается плаванием. В воскресенье повезу ее в бассейн. Отца навещаем раз в месяц. Регулярно. Он чувствует себя неплохо. Гуляет, играет в шахматы с другими старичками. Дружит с одной бабушкой.

– О'кей, я рад.

Ясно. Жизнь не хуже и не лучше любой другой.

Дженнифер обводит рукой грядки и хмурится:

– Никак не пойму, почему одна грядка дает в два раза больше помидоров, чем другие. Вроде обрабатываю их одинаково, а урожай разный. И постоянно так. Уже много лет.

– Ну, причин может быть множество, – делаю я умное лицо. – Разная земля, солнце падает иначе, подкормка...

– Эй, где вы там? Вадим! Дженни! Идите за стол!

Все, кроме меня и Дженнифер, уже за столом: Федя, Марина, Катя, Саша. Саша на разливе. Кому вино, кому коньяк, кому пиво. Кот в своей корзине сосредоточенно занимается толстым ломтем мяса. Ему первый кусок. Королевская десятина. Следом за повелителем «Иди, жри!» мы тоже пробуем горячее, хорошо прожаренное мясо. Полусырое мясо с кровью никто из нас не любит. Мы же не коты.

Выпили по первой, за Маринино путешествие, чтобы количество посадок равнялось количеству взлетов. Саша наливает по второй. Пьем. Федя рассказывает, как прошлым летом крыл шифером крышу домика. Продолжил крышу и сделал навес над верандой, но превысил установленную норму. Соседские поляки только посмеялись: «Делай, мы никому не скажем. У нас самих крыша больше положенного». А вот наша русачка Люся не поленилась сообщить в правление садоводства. Пришла строгая комиссия с рулеткой, сделала замеры и выдала Феде предписание – лишнюю часть навеса убрать. Иначе неподъемный штраф. Пришлось ему тогда повозиться.

Только закончил свой грустный рассказ – Люся! Толстуха легка на помине. Отправила своего приторного Гену домой, а сама – к нам. С дозой домашнего салата в обмен на гриль.

Составляем вместе два стула. Дженнифер, не вредничая, накладывает Люсе полную тарелку мяса и сосисок. Саша в самую большую рюмку наливает коньяк. С горкой. Люся может и не такую порцию осилить. Люси же очень много. Женщина в теле. В теле бегемота примерно. Баланс между живым весом и здравым смыслом безнадежно нарушен. Люся заполняет собой все окружающее пространство так, что никому другому места уже не остается. Если ее пустить в Китай, то, как мне кажется, китайцы встали бы друг на друга и выключили солнце, чтобы больше никогда не видеть большую Люсю. Не понимаю я Гену. С помощью какого вуду она смогла его очаровать? Видимо, в тот злосчастный момент у него началось кислородное голодание мозга. Видения, типа, мусульманского рая. Стройная гурия Люся в прозрачных шальварах, с кувшином шербета. Впрочем, это мое субъективное мнение. О вкусах спорят.

Люся неловко ерзает на двух стульях, опрокидывает в себя коньяк и со вкусом принимается за мясо. Дженнифер озабоченно смотрит на Люсину тарелку. Угощения может оказаться маловато.

Тем временем Люся, зажевав «Шантре» огромным куском говядины, переходит к интеллигентному разговору.

– Блиндерский поезд! – кричит она, заставляя всех вздрогнуть от неожиданности. – Завтра же в Германии праздник – День урожая. Работать нельзя, шуметь нельзя, ничего нельзя!

– Что поделаешь, – кротко замечает Федя. – Октябрь здесь вообще такой месяц – праздничный. Приходится приспосабливаться. Значит, завтра будем отдыхать.

– А помните, как в Казахстане все праздники, дни рождения по-немецки отмечали? – обращается Люся к казахстанцам. – Зато в Германии стали все даты отмечать по-русски. На «грюсс готт!» отвечаем «Воистину воскрес!». От, блиндерский поезд!

Казахстанцы хохочут. Люся поворачивается ко мне и персонально заявляет:

– Все равно, Вадим, нас из Германии теперь палкой не выгонишь! Я хоть и критикую конструктивно, но Германии благодарна за то, что она нас приняла. Наша родина Казахстан, но наш дом теперь здесь – в Байроне.

– Как ваши мальчики? – спрашивает толстуху Дженнифер, подкладывая ей на тарелку еще мяса.

– Оба сына служат в Бундесвере. На контракте, – объясняет Люся мне и Марине с Катей. И по-немецки Дженнифер: – Наши мальчики сейчас в Афганистане. Воюют вместе с американцами. Слава богу, пока все тьфу-тьфу-тьфу! – стучит она по дереву.

Выпиваем за наших сыновей, которые выполняют свой солдатский долг далеко от Баварии.

– А что у тебя с рукой? – обращает внимание Федя на синяки и ссадины, покрывающие Люсину правую руку, исцарапанную от плеча до запястья.

– А, фигня-война! Упала вместе с велосипедом. Это с моим-то весом! Шлепнулась, как говно! – пренебрежительно взмахивает этой рукой Люся.

Да, тонкая ирония и искрометный юмор ей, похоже, незнакомы. «Упала с велосипеда, как говно!»

За кустами, огораживающими территорию садоводства, раздается громкий протяжный сигнал. Катин кот встревоженно выглядывает из корзины. Но это не к нему. Я вопросительно смотрю на Федю.

– Мороженое привезли. Сюда, в сады, каждый день в определенный час приползает какая-то калоша с мороженым. Можно себе и детям набрать. Сейчас Несса с Лукасом махом прилетят.

И точно. Через полсекунды на веранде возникают наши чумазики. Из их русско-немецкого гвалта можно различить только: «айс, айс!» и «мама, дай денег!».

Мамаши выдают своим настырным отпрыскам по евро, и Лукас с Ванессой убегают.

– А как дела у твоей дочери? – опять интересуется Федя у Люси.

Полное лицо соседки принимает печальное выражение.

– У Сабинки-то? С пузом ходит. Уже год с негром живет. Нашла же себе радость! Блиндерский поезд! И спрашивает меня: «Мама, а ты будешь мою чурочку любить?» А куда же я денусь? Внучка ведь, хоть и черненькая. Придется и зятка африканского привечать. – Она замахивает еще «Шантре», с яростью откусывает сразу полсосиски и, смачно жуя, рычит: – Да чтоб он сдох, сволочуга!

Глава 5

Первый разговор с Алоисом Кальтом

Воскресенье. Рано. Вчера Марина с детьми улетела из Франкфурта в Астану. В четверг она съездила в казахстанское консульство за визами и в субботу утром уехала с детьми в аэропорт на такси. Поэтому сегодня я просыпаюсь совсем один в уголке просторной кровати. Колокола настойчиво напоминают, что пора вставать. Сонно смотрю на себя в зеркала могучего шкафа. Из-под одеяла видна небритая физиономия. Доброе утро, небритая физиономия! Рольставни поднять!

За завтраком с музыкальным радиосопровождением напоминаю себе: «В два у меня поездка к Алоису Кальту на женщине с кошачьим голосом. На Лане». Звучит, конечно, двусмысленно. Но я не виноват. Виноват богатый русский язык. Хочешь точнее выразить смутную мысль, а часто получается пошлость. И почему «завтрак»? Он же сегодня. Значит – «сегодняк»!

Заканчиваю скромный «сегодняк», изначально состоявший из яичницы с колбасой. Вполне нордично. Теперь от него остались только крошки. С чашкой кофе в руках подхожу к окну. Никаких черных «Мерседесов». По крайней мере, отсюда не видно.

Формирую в уме план до обеда: не забыть провести сеансы связи с отцом, братом и Мариной. Нужно узнать, как она долетела. Что там с Наташей? И какая у них погода? Потом обед – точно по расписанию и без особых выкрутасов – перцы, фаршированные мясным фаршем, и сметана. Марина наворотила для меня целую кастрюлю. Хватит надолго. После обеда у меня Алоис Кальт. Визит к старому маньяку. И зачем он мне нужен? Хороший маньяк – мертвый маньяк. Но это мое субъективное мнение. Вечером, если останется время, прогуляться в Ведьмин лес, поискать место для своей смерти.

Перед отъездом Марина надавала мне множество заданий. В том числе и вывезти мусор «на шрот». Старые электробатарейки, цветочные горшки с отколотыми краями, сломанные рамки для фотографий, облезлые дамские сумочки, прошлогодний школьный ранец Лукаса и тому подобная фигня. Фигню нужно цивилизованно отвезти на перерабатывающее предприятие. В ресайклингхоф. Но русаки говорят короче и проще: «на шрот». «Шрот» находится на окраине Нашего Городка, поэтому необходимо договориться с Федей или Дженнифер. Но это не срочно. Не пылает и не горит. Время у меня есть – целых три недели.

Еще мне нужно купить в аптеке таблетки. По свежему рецепту от фрау Половинкин. Это совсем несложно – аптека рядом с домом. В Нашем Городке все аптеки называются романтично и красиво: «Ангельская», «Лебединая»... Есть даже «Львиная». Только аптека по соседству почему-то названа по фамилии хозяина «Ратс Апотеке». По-английски «ратс» означает «крысиная». Когда я смотрю на ее витрины, мне всегда чудятся там внутри за прилавком огромные крысы. Серые, в белых халатиках, с кокетливыми шапочками на головах. Очень компетентные и услужливые. Говорящие человеческим языком. С длинными голыми крысиными хвостами. Забавно, не правда ли? Но, брр...

Сажу за компьютером. На кухне пещерно воет Фил Коллинз. Не знаю, кого куда, а меня творчество этого британского певца зовет в спелеологию. Так и представляю себе, как я, наоравшись, подобно Коллинзу, под сводами огромной пещеры погружаюсь, иссякнув, во мрак бездонного подземного озера. Все ниже, ниже, ниже... В спасительное безмолвие.

Между прочим, через месяц очередная годовщина октября. Седьмое ноября. Октябрь в ноябре. Абракадабра, но очень по-русски. Как и старый Новый год. Раньше было: торжественный голос чеканит: «Да здравствует Великая Октябрьская социалистическая революция!» Счастливый советский народ: «Ура-яя!!!» Транспаранты, флажки, кумач, воздушные

шары... Дома накрытый стол: селедка под шубой, оливье, сервелат, горячие пельмешки, ледяная водочка. А сейчас... Большая Люся чавкает жареное мясо под «Шантре». Эх, люди!

Вижу-вижу! Брат зашел. Моего младшего брата зовут Агафон. Это странное слово я выбрал для него сам – родители попросили придумать имя новорожденному братику. У меня тогда в детском саду был друг Агафон. Мы с ним ходили в одну группу. Крепко дружили и иногда дрались. Я и брата так же называл, чтобы не заморачиваться. Наверное, погорячился. Ведь действительно, как корабль назовешь, так он и поплывет. Странное имя вызвало к жизни странную судьбу. Брат до сих пор живет с родителями (после смерти мамы – с отцом). В свои сорок семь лет все еще не женат, детей нет. Агафон плохо учился в школе, плохо учился в университете. Вообще везде прилежно, но плохо учился. Теперь он преподаватель этого же «универа», аспирант и в настоящее время плохо пишет диссертацию по экономике. Должен быстро придумать, как спасти мировую экономику от кризиса. Странно, что именно вечный троечник Агафон – последняя надежда человечества.

Я делаю видеозвонок брату. На экране монитора появляется Агафон. Как всегда дома – в майке-алкашке, худой, нечесаный, небритый. А ведь преподаватель вуза! Улыбается. Машет.

– Привет!

– Привет! Как дела? Как паппа мио?

– Все по-старому, – пожимает голыми плечами Агафон. – Папа убежал на прогревание. Ходит сейчас три раза в неделю в какой-то корейский медицинский салон. На бесплатные процедуры. Корейнятся с корейцами. Говорит, что после их прогревания чувствует себя лучше. Как ты? Пишешь что-нибудь? Что-нибудь про маньяков?

«И этот туда же! Скоро мне маньяки совсем прохода не дадут!»

– Давай-давай пиши, попугай народ, – подбадривает брат. – Или народ попугай? Как лучше?

– Почему это наш народ попугай? – удивляюсь я. – Лучше ты быстрее говнякай свой «диссер», а я примажусь. Кандидата наук – пополам.

– У нас примазанные не предусмотрены!

– Плохо, – огорчаюсь я. – Тогда это неправильные кандидаты наук.

Агафон смеется и предлагает:

– Придется тебе меня приписывать к своим книгам.

– Мои книги могут не выдержать такой нагрузки. Хотя я тебя такого и опишу в «Моих встречах с ужасным».

– Мои встречи с ужасным?!

– Нет, мои. Книга будет называться «Мои встречи с ужасным. Монстры и другие». Вот ты и будешь в «других».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.